

© 2022. И. А. Виноградов
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии. К 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями»

Аннотация: Изучается история создания статьи Н. В. Гоголя «В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность» — наиболее объемной главы в книге писателя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), исследуется ее отношение к поэме «Мертвые души». Три продолжительных этапа работы Гоголя над статьей, которые оканчивались сожжением рукописей, и четвертый, завершившийся публикацией, обнаруживают тесную связь с содержанием поэмы. Обобщены свидетельства об одновременном вызревании замыслов статьи и поэмы в 1830-е гг. Доказывается, что статья готовилась Гоголем для журнала П. А. Плетнева «Современник». Вводятся в научный оборот неизвестные данные о втором этапе работы над статьей в 1841–1842 гг., прослеживается расширение замысла статьи на третьем этапе, в 1843–1845 гг., что повлекло ее включение в 1846 г. в книгу писем к друзьям. Подчеркивается, что создаваемая на протяжении более десяти лет, статья содержит итоговые размышления писателя о значении литературы в общественной и государственной жизни России и является незаменимым автокомментарием к «Мертвым душам».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, поэтика, авторский замысел, критика, публицистика, полемика, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 04.12.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.01.2022

Дата публикации статьи: 05.04.2022

Для цитирования: Виноградов И. А. «Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии. К 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 6–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-6-57>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 1, 2022, pp. 6–57. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 1, 2022, pp. 6–57. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Igor A. Vinogradov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

“Three Epochs” of the Creation of Nikolai Gogol’s Article on Russian Poetry. To the 175th Anniversary of “Selected Passages from Correspondence with Friends”

Abstract: The creative history of N. V. Gogol’s article “What is Finally the Essence of Russian Poetry and Its Peculiarity,” the most voluminous chapter of his book “Selected Passages from Correspondence with Friends” (1847), and its relation to the poem “Dead Souls” are studied. Three long stages of Gogol’s work on the article, which ended with the burning of manuscripts, and the fourth, which ended with its publication, reveal a close connection with the content of the poem. Evidence of simultaneous maturation of the ideas of the article and the poem in the 1830s is summarized. It is proved that the article was prepared by Gogol for P. A. Pletnev’s journal “Sovremennik.” Unknown data on the second stage of work on the article in 1841–1842 are introduced into scientific circulation, the expansion of concept of the article at the third stage in 1843–1845, which led to its inclusion in the book of letters to friends in 1846, is traced. It is emphasized that, created over more than ten years, the article contains the final reflections of the writer on the importance of literature in the public and state life of Russia and is an irreplaceable auto-commentary to “Dead Souls.”

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creativity, poetics, author’s intention, criticism, journalism, polemics, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

Received: December 04, 2021

Approved after reviewing: January 21, 2022

Published: April 05, 2022

For citation: Vinogradov I. A. “Three Epochs’ of the Creation of Nikolai Gogol’s Article on Russian Poetry. To the 175th Anniversary of ‘Selected Passages from Correspondence with Friends.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 1, 2022, pp. 6–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-6-57>

Н. В. Гоголь был не только создателем гениальных художественных произведений, но и проницательным литературным критиком. Это поприще литературной деятельности он считал не менее важным, чем художественное творчество [Палиевский; Виноградов 2021с]. В 1836 г. в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» Гоголь замечал: «Наша литература молода, корифеев ее было немного. Но для критика мыслящего она представляет целое поле, работу на [всю <жизнь>] целые годы» [Гоголь 1937–1952. 8: 538]. Такой работой на «целые годы», едва ли не на всю жизнь, стала для Гоголя статья «В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность». Эта статья была напечатана в 1847 г. в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Литературные вопросы в ней, вместе с проблемами религиозно-патриотическими и государственными, являются первостепенными [Виноградов 2017с]. Кроме статьи о русской поэзии, литературе в «Выбранных местах...» посвящено еще несколько глав: «О том, что такое слово», «Чтения русских поэтов перед публикою», «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов», «Карамзин», «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Вскоре после издания книги Гоголь написал еще одну литературную статью — «О Современнике»; спустя год — литературно-критическое письмо «Искусство есть примирение с жизнью» (Гоголь предполагал включить это письмо в книгу в качестве вступления). Посылая последнюю статью В. А. Жуковскому, он пояснял: «Ведь литература заняла почти всю жизнь мою...» [Гоголь 2009–2010. 15: 10].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» статья о русской поэзии является предпоследней, самой обширной из всех. Превосходя другие главы по объему, она и создавалась намного дольше остальных. Это, по-видимому, нашло отражение в самой ее заглавии:

«В чем же *наконец* существо Русской поэзии...» (курсив мой. — И. В.). Опубликованная 175 лет назад, она представляет собой важный, не утративший своего значения до наших дней, итог размышлений Гоголя о путях развития русской литературы, о ее значении в духовном возматании человека и общества в целом, в политическом развитии страны. Написанная в литературно-критическом жанре статья приоткрывает многое в художественном наследии самого писателя.

История создания статьи в достаточной мере не изучена. По свидетельству самого Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 16 октября (н. ст.) 1846 г., статью о «существо» русской поэзии он писал «в три эпохи своей жизни» — и каждый раз «вновь сожигал» [Гоголь 2009–2010. 13: 393]. Так что завершена была статья лишь с четвертого раза. Отправляя Плетневу в Петербург две заключительные статьи книги — «В чем же наконец существо Русской поэзии...» и «Светлое Воскресенье» — Гоголь сообщал: «Так устал, что нет мочи; в силу сладил, особенно со статьей о поэзии, которую в три эпохи мои писал и вновь сожигал и наконец теперь написал... <...> ...Так мне трудно писать что-нибудь о литературе» [Гоголь 2009–2010. 13: 393].

1. Вызревание замысла

По высказанному в 1889 г. замечанию одного из наиболее авторитетных комментаторов сочинений Гоголя, академика Н. С. Тихонравова, первая «эпоха» работы над статьей относится к концу 1829 — середине 1830-х гг.: она «обнимает все время <...> авторства <Гоголя> с 1829 г. до выезда из России в июне 1836 г.» [Тихонравов 1889: 544]. Продолжатель Тихонравова В. И. Шенрок, принимая это предположение, в 1896 г. уточнил, что признание Гоголя подразумевает — в качестве начальной из «трех эпох» — конкретно статью «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Между двумя этими статьями — ранней и поздней — Шенрок отметил ряд значимых переключений, вплоть до «полных совпадений» [Тихонравов, Шенрок: 723–724]. Шенрок имел в виду прежде всего важный отрывок статьи, который был по неизвестным причинам оставлен Гоголем в черновиках, и в печати в 1836 г. не появился. Как отмечал Шенрок, отрывок содержит «опыт характеристики <...> первоклассных писателей, которые, по словам Гоголя, были за-

быты тогдашней критикой»: «Все это место <...> впоследствии было воспроизведено в распространенном виде в “Выбранных местах из переписки с друзьями” в статье “В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность”. <...> ...Именно это место <...> дало повод Гоголю сказать, что он писал свою статью “О существе русской поэзии” в *три эпохи* своей жизни» [Тихонравов, Шенрок: 723–724].

В черновом отрывке Гоголь писал: «У нас есть несколько писателей, которые принадлежат собственным своим мыслям. Где вы найдете похожего на нашего Державина? Это не Гораций, не Пиндар, но европейский, означенный спокойным лиризмом поэт. У него своя, самородная, дикая, сверкающая поэзия, не Оссиановская, не германская, не итальянская, — текущая, колоссально разлива<ясь>, как Россия. — Что такое наш Фон-Визин? Это не Мольер, не Шеридан, не Бомарше, не Гольдони. Юмор его не нем<ецкий>, не аглицкий, не французский. Что такое наш Жуковский? Это одно из замечательных явлений [всемирных], поэт, явивший<ся> оригинальным в переводах, возведший все сильные и малосильные оригиналы до себя [оригиналь<ный> в неор<игинальном>], создавший новый, совершенно оригинальный род быть оригинальным. Возьмите нашего Крылова. Поэт, явивший<ся> чисто русским и националь<ным>, и где же русским? — в баснях, всеобщем выражении, где ни один поэт еще не выявляет ума [своего и] жизни и образа мыслей своего народа. И в басне у него выразился чисто русский гиб ума, новый юмор, незнакомый ни французам, ни немцам, ни англичанам и ни итальянцам. И как все эти поэты различны между собою, какие сильные противоположности представляют они в собрании своем воедино, какие многообразные стороны русского духа они представляют! Как широко раскинут фундамент колоссального здания будущего русской литературы! <...> Бросьте взгляд от начала до нашего времени. Видите ли вы, как духом подражания [увлекалась] двигалась масса русской литературы и как русский дух выбрасывался вверх самородным, сверкающим ключом собственного вдохновенья и при новом переменном ветре подражания выражался новыми оригинальными чертами...» [Гоголь 1937–1952. 8: 538–539].

В этом отрывке Шенрок отметил почти дословное сходство между ранней и итоговой характеристиками В. А. Жуковского. В статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...» Гоголь писал: «...Жуковский, наша замечательнейшая оригинальность! <...> перед ним оригиналы

кажутся копиями, а переводы его кажутся истинными оригиналами» [Гоголь 2009–2010. 6: 163]. Не менее схожи с позднейшими характеристиками в процитированном отрывке и строки Гоголя о Г. Р. Державине и И. А. Крылове.

В черновой редакции гоголевского обзора 1836 г. есть и объяснение самих мотивов, определявших критическую деятельность писателя. Уже в 1830-х гг. написание статьи о русской поэзии (и о литературе в целом) Гоголь ощущал как свою личную обязанность. Возможно, эта ответственность была внушена ему статьей С. П. Шевырева «О критике вообще и у нас в России» [Шевырев 1835], где подчеркивалось определяющее значение критики для развития словесности. (Шевырев был другом Гоголя и самым уважаемым им из всех критиков [Виноградов 2021с: 702, 708–710].) Гоголь писал: «В наших критиках наша эпоха совершенно кажется как будто отрубленную от прежних, как будто [не происшедшую] не истекшую, не рожденную ею, как будто у нас нет во все начала, как будто прошедшее и история для нас не существует. <...> ...На талантах лежит ничем незагладимый упрек, если они совершенно закрыли глаза на мнения, обращающиеся повсюду... <...> ...неправильное, испорченное воспитание должно лежать на душе великих писателей, если они не подали своего голоса. <...> На таланте еще лежит другая мысль, сильно бременящая его своею тяжестью. Окинув духовными глазами итог мнений, <...> обращающихся в толпе, <...> о писателях, его предшественниках, мнений неправильных, невежественных, <...> он должен быть поражен собственной, ожидающею его впереди, участью. И эта опасность уже налагает на него обязанность быть менее равнодушным к текущим мнениям. <...> Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования и составляет одну из блестящих страниц в собрании его творений, — страниц, где могущественнее и глубже отражается ум его» [Гоголь 1937–1952. 8: 534, 536–538].

Уточнение В. И. Шенрока, указавшего на реминисценции позднейшей статьи с размышлениями Гоголя 1836 г., представляется бесспорным, но и Н. С. Тихонравов тоже был прав, когда отводил начальному периоду формирования замысла более широкий временной промежуток — с 1829 по 1836 г. В частности, цитированные слова чернового наброска статьи «О движении журнальной литературы...» о том, «как широко раскинут фундамент колоссального здания будущего рус-

ской литературы!», — есть прямое повторение сказанного Гоголем еще в 1831 г. в письме к В. А. Жуковскому: «...Теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент...» [Гоголь 2009–2010. 10: 165]. (О «великом здании» русской литературы Гоголь упоминал и в написанной в 1836 г. для пушкинского «Современника» рецензии на книгу «Картины мира» [Гоголь 2009–2010. 7: 495].) С содержанием завершенной в 1846 г. работы тесно связана не только статья «О движении журнальной литературы...», но и эссе Гоголя «Несколько слов о Пушкине», впервые напечатанное в «Арабесках» в 1835 г. Это раннее эссе с итоговой статьей с очевидностью объединяют размышления о «построении» русского человека — о «русском человеке в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» («Несколько слов о Пушкине» [Гоголь 2009–2010. 7: 274]). В 1846 г., посылая статью «В чем же наконец существо Русской поэзии...» Плетневу, Гоголь замечал, что писал ее «в объяснение элементов русского человека» [Гоголь 2009–2010. 13: 393]. В самой статье прямо говорится о том, что «поэты наши <...> были <...> и строителями нашими» [Гоголь 2009–2010. 6: 191–192].

Факты свидетельствуют, что гоголевская программа «построения» русского человека определила вызревание самой «сатиры» писателя и была тесным образом связана с началами Православия, Самодержавия, Народности, провозглашенными в тот период в качестве основ народного образования министром С. С. Уваровым. Позднее друг Гоголя историк М. П. Погодин, отмечая заслуги Уварова, писал: «В Уваровской формуле появилось впервые слово “народность”, в официальном языке до тех пор неслыханное. За одно это слово должно помянуть добром Уварова...» [Погодин: 506]. Начальный этап вызревания замысла гоголевской статьи о поэзии оказывается в этом свете едва ли не наиболее значимым, наиболее важным из всех других — вследствие исключительной событийности тогдашних преобразований. Этот этап является ключевым для художественских планов Гоголя: он предопределил как замысел статьи о поэзии, так и замысел главного его творения, поэмы «Мертвые души».

11 февраля 1834 г. Гоголь отправил письмо к К. С. Сербиновичу — редактору только что основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения». Гоголь просил у Сербиновича извинения за задержку корректуры своей статьи «План преподавания всеобщей

истории» (статья вскоре была напечатана во втором номере журнала). В том же письме Гоголь с похвалой отзывался о первом номере министерского издания: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» [Гоголь 2009–2010. 10: 238–239]. Именно «официальные статьи» первого номера «Журнала Министерства Народного Просвещения» оказали самое существенное влияние и на создание статьи «В чем же наконец существо Русской поэзии...», и на вызревание замысла «Мертвых душ» [Виноградов 2009b].

Наибольшие переклички с гоголевскими произведениями обнаруживают две статьи, опубликованные в 1834 г. в первом номере журнала Уварова. Это статья П. А. Плетнева «О народности в литературе», представлявшая в журнале «голос» историко-филологического факультета Петербургского университета [Плетнев], и обзорная статья о деятельности университета декана философско-юридического факультета Н. И. Бутырского [Бутырский]. Оба автора — Плетнев и Бутырский — выражали не только собственные воззрения на литературу, но и взгляды министра. Литература в обеих статьях рассматривалась в непосредственной связи с началами Православия, Самодержавия, Народности, провозглашенными Уваровым. Официальный циркуляр министра об этих образовательных началах был напечатан в том же номере журнала [Уваров 1834].

Еще в 1832 г. Уваров поставил перед русским обществом задачу придать литературным журналам направление «сходственное с видами правительства» [Уваров 1867: 352]. Курс на сближение общественных и государственных интересов закономерно вел к тому, что спустя несколько месяцев, в 1833 г., литература была названа главной составляющей Народности [Виноградов 2017–2018. 2: 244–245, 284–285]. Это важное положение и было обнародовано 31 августа 1833 г. на торжественном заседании Петербургского университета Плетневым и Бутырским — после чего их доклады были напечатаны в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Свои публичные речи профессора — оба писатели — произнесли в присутствии Уварова. Отечественная словесность официально ставилась в выступлениях Плетнева и Бутырского на такую высоту, на какой она до этого еще никогда не стояла. «...Словесность, — говорил Плетнев, — представи-

ла нам первый и прекрасный образец народности. <...> ...Истинная, действительная История народа есть его Литература...» [Плетнев: 5]. Бутырский указывал, что из всех сфер образования и культуры к народности прямое отношение имеет прежде всего словесность: «Все прочее можно заимствовать от чужестранцев, но Русскую Словесность должны мы создать сами: в противном случае останемся только подражателями...» [Бутырский: 56, 58].

Два года спустя Гоголь в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» замечал: «Писатели наши отлились совершенно в особенную форму и, несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания, они заключают в себе чисто русские элементы...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 7: 480]. В этих строках (которые Гоголь прямо повторил в 1846 г. в самом начале статьи о русской поэзии: «Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 155]) изложена как бы сама «концепция» образов «Мертвых душ» — как воплощения искаженных подражанием «русских элементов».

Кроме Плетнева и Бутырского, до Гоголя представление о писателе как главном выразителе самосознания народа, верном отражении его отличительных черт и особенностей высказывал также Шевырев в своей диссертации о Данте: «Поэт есть апофеоза народа...» [Шевырев 1834: 391]. Шевырев называл словесность, сравнительно с религией, наукой и искусством, «самым полным выражением всей человеческой жизни народов» [Шевырев 1841: 220]. Он подчеркивал: «Коренное чувство наше есть сознание нашей народности... <...>; это чувство есть мера прочного успеха наших писателей... <...>; им заключали, в нем сходились и откликались друг другу и Ломоносов, и Державин, и Карамзин, и Жуковский, и Крылов, и Пушкин, и все им близкие, несмотря ни на какое Латинское, Французское, Немецкое, Английское или другое влияние» [Шевырев 1841: 294]. В 1835 г. на роль Державина, Крылова, Фонвизина, Жуковского и Пушкина в развитии народности указывал также В. С. Межевич [Межевич], в 1836 г. — Н. И. Надеждин (упомяина при этом также о Гомере и Данте) [Надеждин 1836].

В 1846 г. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь говорил о людях, имеющих, подобно его «сатирическим» героям, «отталкивающую наружность»: «В урде вы почувствуете идеал того, чего карикатурой стал урод» [Гоголь 2009–2010. 6: 105]. В «Авторской

исповеди» он добавлял: «Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатались истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены» [Гоголь 2009–2010. 6: 224]. А в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» писатель отмечал: «Герои мои вовсе не злодеи, прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми» [Гоголь 2009–2010. 6: 81–82].

Ранее, в 1836 г., в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь восклицал: «Русского мы просим! Своего давайте нам! Что нам французы и весь заморский люд, разве мало у нас нашего народа? Русских характеров, своих характеров!.. Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной <Руси>, сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел...» [Гоголь 2009–2010. 7: 508–509].

Из многочисленных высказываний Гоголя можно вполне определенно судить, чьи характеры — подразумеваемая и вполне конкретные лица — он считал, вместе с Плетневым, Бутырским, Шевыревым, Межевичем, Надеждиным, средоточием «истинно русских коренных свойств наших». «Поэт <...> чистейшее отражение <...> народа...» — замечал он в статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...» [Гоголь 2009–2010. 6: 42]. Советуя в 1848 г. графине Анне М. Виельгорской знакомиться с русскими литераторами, он писал: «Эти люди более русские, нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека» [Гоголь 2009–2010. 15: 134]. В 1846 г. в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» Гоголь, приоткрывая связь образов своей поэмы с *первыми* русскими поэтами, обращался к читателю: «Хорошо <...>, если бы кто нашелся из сословия *высшего* <...> и решился бы <...> рассмотреть внимательно, нет ли какого сближения между этими условиями?.. <...> Мне нужно знать это сословие, которое есть *цвет народа*» (курсив мой. — *И. В.*) [Гоголь 2009–2010. 5: 7].

По словам Плетнева в его статье «О народности в литературе», «народность не может совершенно исчезнуть <...> при самых укло-

нениях умственной деятельности от первого пути»: «Много было происшествий, которые <...> противодействовали направлению первобытной нашей Словесности. <...> Ни характер народа, ни его обыкновенный быт, ни язык самый не остались без изменения и чуждого влияния. Но посреди сих разрушительных явлений <...> прожила еще несколько столетий своеобразная Русская дума, которой воззрения на жизнь и природу <...> высказывались то в назидательном поучении, то в простодушной летописи, то в любопытном описании путешествия, то в аллегорической сказке, то в народных песнях, дышащих тою истиною, которая составляет верх совершенства в произведениях человека» [Плетнев: 20–21].

Выступление Плетнева на торжественном заседании Петербургского университета послужило Гоголю главной основой для намеченной в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» концепции образов «мертвых душ». Сходное с гоголевским представлением о русских писателях и поэтах как главных выразителях народности — несмотря на «чуждое влияние» и «уклонения» «первобытной нашей словесности» — является основополагающим для статьи Плетнева. Такими выразителями народности Плетнев называет Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова. Таким же представлением о русских поэтах и писателях как «чистейшем отражении <...> народа» — «несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания» — руководствовался и Гоголь, предполагая «избрать» их «характеры» для воплощения в «Мертвых душах». (В своей речи Плетнев почему-то не назвал Пушкина. Первым, кто восполнил это упущение, был Гоголь, который в 1834 г. в «Арабесках» прямо подчеркнул глубокую народность поэта [Виноградов 2019а: 58–59].)

К содержанию статьи Плетнева «О народности в литературе» восходят и слова Гоголя в статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...» о русских поэтах как собирателях и хранителях национальных духовных «сокровищ наших» — «орудий» и «материалов» для будущего построения «нашей русской России» [Гоголь 2009–2010. 6: 191, 196]. «Ежели в это время, — писал Плетнев об эпохе Екатерины II, — еще мало было писателей, блиставших свежими национальными красками, по крайней мере тогда началось приготовление необходимых для них материалов» [Плетнев: 26]. «Где изучил певец Фелицы свое искусство? — замечал Плетнев о Державине. — Откуда он извлек этот неслы-

ханный, но понятный всем язык?.. В нем все так могущественно, так стремительно, так ново и неуравнено, как сама Россия» [Плетнев: 25]. Много лет спустя Гоголь писал: «...Заговорит Державин о России — слышишь в себе неестественную силу и как бы сам дышишь величием России» [Гоголь 2009–2010. 6: 40].

Поскольку размышления Гоголя о том, какие характеры следует избрать для изображения в «Мертвых душах», хронологически приурочены к концу 1835 — началу 1836 г., то неудивительно, что в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (написанной в феврале-марте 1836 г.) обнаруживается настоящий «ключ» к пониманию замысла поэмы. Именно в этой статье встречается мысль о том, что творчество и личность русских поэтов являются наиболее полным отражением черт народного характера («Писатели наши <...> заключают в себе чисто русские элементы...»). А это значит, что к изучению поэмы Гоголя мы имеем материал самый богатый — многочисленные его высказывания о русских писателях и, в первую очередь, наиболее пространную из всех глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» статью о «существо» и «особенности» русской поэзии.

Из уже цитированного признания Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 16 октября (н. ст.) 1846 г. явствует, что статья о поэзии была написана «в объяснение элементов русского человека» [Гоголь 2009–2010. 13: 393]. Именно в этой статье писатель утверждает, что «свойства, обнаруженные нашими поэтами, есть наши народные свойства, в них только видней развившиеся» [Гоголь 2009–2010. 6: 193]. И сразу обращает на себя внимание главное. Характеристики пяти главных «строителей наших» — русских поэтов в данной статье — Жуковского, Батюшкова, Языкова, Державина и Пушкина — отчетливо напоминают типы, выведенные в образах пяти героев-помещиков первого тома «Мертвых душ».

Так, мечтательность Манилова отзывается в «отвлеченной идеальности» Жуковского, его стремлении к незримому и таинственному. Приземленность Коробочки — в погруженности в «очаровательную прелесть осязаемой существенности» Батюшкова. Буйство Ноздрева напоминает удаль и восторг поэзии Языкова. Неуклюжее богатирство Собакевича приводит на ум «невозделанную громадную скалу» Державина и его стремление «начертать образ какого-то крепкого мужа». («...Собакевич <...> да это просто державинский величавый

муж!» — замечал в 1860 г. архимандрит Феодор (Бухарев) [Феодор (Бухарев): 88].)

При этом характеристика в статье «науки жизни» Державина («Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает. <...> ...Слышно <...> стремление начертать закон правильных действий человека <...> даже в самых его наслаждениях» [Гоголь 2009–2010. 6: 159]) с очевидностью перекликается сразу с несколькими гоголевскими произведениями, тоже проясняющими замысел поэмы.

Во-первых, характеристика державинской практической «науки», служащей воспитанию человека, определенно соотносится с содержанием двух «педагогических» писем самого Гоголя 1842 г. — к П. В. Нащокину и Д. Е. Бенардаки, — в которых писатель рассуждает о том, что основой обучения для современного юноши должна стать «жизнь, живая жизнь», «а не мертвая наука» [Гоголь 2009–2010. 12: 63].

Во-вторых, характеристика Державина перекликается с описанием соответствующей «науки жизни» в самой поэме, но не в первом, а уже во втором томе — в характеристике «идеального» наставника юношества Александра Петровича в первой главе [Гоголь 2009–2010. 5: 247].

В свою очередь «прообразом» героя второго тома наставника Александра Петровича является, среди собственно гоголевских персонажей, арабский монарх Гарун аль Рашид — идеальный «педагог», выведенный ранее Гоголем в одной из статей «Арабесок» — в лекции «Ал-Мамун» [Виноградов 2019d]. (В пору создания «Арабесок» Гоголь свои представления об идеальном монархе — разумном организаторе и воспитателе подданных — из цензурных соображений изложил на арабском материале.)

В-четвертых, содержание жизненной «науки» Державина созвучно гоголевскому определению непосредственно личности уже самого русского монарха — Императора Николая I. Это определение Гоголь попытался донести до читателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» через посредство опубликованного к тому времени стихотворения А. С. Пушкина «К Н**» (1832–1834) [Виноградов 2016с] (цензором-западником А. В. Никитенко, «другим экземпляром» Белинского и его прямым приятелем, — этот фрагмент в 1846 г. был сокращен [Виноградов 2021а: 23, 549, 615–616]). Гоголь цитировал пушкинское стихотворение в статье «О лиризме наших поэтов»: «Нет, ты не проклял нас. <...> Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты /

Журчанью пчел над розой алой» [Гоголь 2009–2010. 6: 44]. Отмеченное в стихотворении Пушкина «снисхождение» царя к самым малым потребностям, даже забавам подопечных — «ветрено-кружащегося племени» [Гоголь 2009–2010. 6: 44] — прямо соответствует стремлению Державина начертать «закон правильных действий» человека «даже в самых его наслаждениях».

Наконец, соответствующими разнообразным размышлениям Гоголя о «науке жизни», о самой ее необходимости, являются давние, многочисленные наблюдения писателя о неудовлетворительном в целом образовании современного поколения, не исключая и себя самого, и даже Пушкина [Виноградов 2017–2018. 2: 309–310]. По словам Гоголя в самой статье о русской поэзии, Пушкин в стихотворении «В начале жизни помню школу я...» (1830) изобразил «поэтическое младенчество свое в Царском Селе», олицетворив «науку в виде строгой жены, собирающей в школу детей», а себя — «в виде школьника, вырвавшегося из класса в сад затем, чтобы остановиться перед древними статуями с лирами и циркулями в руках, говорившими ему живею науки» [Гоголь 2009–2010. 6: 170]. Напомним, о чем идет речь в пушкинском стихотворении (по неполной редакции (без конца), напечатанной впервые в 1841 г. В. А. Жуковским, благодаря которому это произведение и стало известно современникам): «И часто я украдкой убегал / В великолепный мрак чужого сада, <...> Любил я светлых вод и листьев шум, / И белые в тени дерев кумиры, <...> Все мраморные циркули и лиры... <...> / Другие два чудесные творенья / Влекли меня волшебною красой: / То были двух бесов изображенья. / Один (Дельфийский идол) лик младой — / Был гневен, полон гордости ужасной... <...> Другой женообразный, сладострастный, / Сомнительный и лживый идеал — / Волшебный демон — лживый, но прекрасный...» [Пушкин 1841: 173–174].

Комментируя пушкинское стихотворение, Гоголь в первоначальной редакции статьи следующим образом объяснял характер тогдашней «науки» — далекой от «живой жизни» и потому не способной противостоять соблазнительным «идеалам», властным в «наслаждениях» человека: «Мудрость стала подноситься черес<чур> уже в черством виде, <и> все, которые поживей, стали как школьники вырываться из класса с тем, чтобы поиграть и позаняться тем, что поближе к молодым побужденьям» [Гоголь 1937–1952. 6: 707]. Схожее «черстное» школьное образование Гоголь усматривал и в предшествующем периоде русской

истории, в эпоху XVI–XVII вв., когда, например, в духовных училищах Южной России господствующей была западная католическая схоластика («И <...> в конце XVII и в начале XVIII века духовные кафедры наши зазвучали польско-латинским наречием, поэзия начала низаться в силлабические вирши» [Надеждин 1836: 47–48]). Бесплодность схоластической «науки» вполне испытал, согласно замыслу Гоголю, в своей судьбе герой его повести «Тарас Бульба» Андрий: слушая формальные «философские диспуты», мало говорящие его душе, он тоже невольно стал увлекаться теми предметами, что были «поближе к молодым побуждениям»: «женщина чаще стала представляться <...> мечтам его» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 315]. Воспитание в школе, преобразованной на западный лад, оказывалось бездейственным, на что прямо обращал внимание рассказчик повести: «Тогдашний род ученья страшно расходился с образом жизни, все эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались ко времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 313] [Виноградов 2016а]. Очевидно, что уже при создании «Тараса Бульбы» в 1834 г. Гоголь задумывался над необходимостью создания воспитующей, «не отвлеченной» «науки жизни», действенной «даже в самых <...> наслаждениях» человека, — той, что по словам Гоголя в статье о поэзии, занимала Державина.

Возвратимся к оставленному сопоставлению характеристик пяти главных поэтов с пятью героями-помещиками «Мертвых душ». После Жуковского, Батюшкова, Языкова и Державина остается Пушкин. Характеристика Пушкина в гоголевской статье доселе составляет непревзойденный образец критического разбора наследия поэта. Гоголь называет пушкинскую поэзию чутким «ухом» и «верным зеркалом» — «звонким эхом, откликающимся на всякий отдельный звук» [Гоголь 2009–2010. 6: 168, 170, 177, 192], отзывчивым во всем, до «малейшего вздоха слабости» человека [Гоголь 2009–2010. 6: 167], — что наглядно и демонстрирует стихотворение «В начале жизни помню школу я...», где, по словам Гоголя, «видно, как уже рано пробуждалась» в Пушкине «эта чуткость на все откликаться» [Гоголь 2009–2010. 6: 170]. И нетрудно заметить, что ни с чем иным, как с этим всеслышащим «ухом» и всеотражающим «зеркалом» пушкинской поэзии и соотносится, в «перевернутом» и «опошленном» виде, всеядное, мелочное стяжательство Плюшкина. «Гений — богач страшный», перед ним «ничто весь мир и

все сокровища», — писал ранее Гоголь в «Арабесках», подразумевая подлинное, «неиспорченное» свойство гениального творца [Гоголь 2009–2010. 7: 271]. «Все сочинения его — полный арсенал орудий поэта», — замечал Гоголь о Пушкине в статье о поэзии [Гоголь 2009–2010. 6: 169].

Итак, мистическая одаренность Жуковского, пластическая «осязаемость» Батюшкова, энергия и удаль Языкова, «законодательная» крепость Державина, всеохватность, пронизательность и чуткость Пушкина — вот те покрытые «корой» «самоцветные камни», те опутанные «тиной мелочей» непочатые силы, которые скрывают в себе гоголевские герои. «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен, — писал Гоголь в статье “О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности”. — Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из нее сделали. <...> Много есть таких предметов, которые страдают из-за того, что извратили смысл их...» [Гоголь 2009–2010. 6: 57, 63]. По поводу одного из героев, Ноздрева, Гоголь в самой поэме замечал: «...Легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком» [Гоголь 2009–2010. 5: 71]. В предисловии ко второму изданию поэмы он также призывал своих читателей задуматься по поводу характеров ее героев — «не повторяется ли иногда то же самое в круге высшем, что делается в низшем?» [Гоголь 2009–2010. 5: 7]. В самой статье о поэзии, упоминая о «скопище уродов общества», представленных в грибоедовском «Горе от ума», он отмечал, что каждый из них «окарикатурировал какое-нибудь мнение, правило, мысль, извративши по-своему законный смысл их» [Гоголь 2009–2010. 6: 186].

О сокровенном подтексте «Мертвых душ», оставшемся недоступным читателю, Гоголь сообщал и в письме к А. О. Смирновой 1845 г.: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах...» [Гоголь 2009–2010. 13: 153] (об авторском замысле «Мертвых душ» см. также: [Виноградов 2017–2018. 4: 454–457]).

Впоследствии в «Авторской исповеди» Гоголь, обобщая историю своих размышлений о русских поэтах как главных выразителях на-

родности (отразившуюся одновременно и в замысле первого тома «Мертвых душ», и в содержании статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»), сообщал, что осенью 1835 г., когда работа над «Мертвыми душами» была только начата, он еще не вполне представлял себе, какие характеры следует избрать для нового сочинения: «Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры...» [Гоголь 2009–2010. 6: 223]. Только потом, по его словам, он «почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться», и «чем более» обдумывал свое сочинение, «тем более видел», что ему следует «взять характеры», на которых «глубже отпечатались истинно русские, коренные свойства наши» [Гоголь 2009–2010. 6: 223–224]. Избрание Гоголем в качестве «характеров» первого тома «Мертвых душ» «коренных свойств» главных русских поэтов — Жуковского, Батюшкова, Языкова, Державина, Пушкина — произошло в первые месяцы следующего, 1836 г. — во второй половине января — феврале [Виноградов 2017а; 2017б]. Таким образом, временем, в которое, согласно свидетельству Гоголя, зачиналась его статья о русской поэзии, следует считать период с 1832–1834 гг. (со времени создания статьи «Несколько слов о Пушкине», датированной самим Гоголем 1832 г.) до конца 1835 — начала 1836 г. — начального этапа работы над «Мертвыми душами».

2. Подготовка статьи для журнала «Современник»: неучтенный этап и свидетельства

Вторая «эпоха», в которую, по словам Гоголя, создавалась статья «В чем же наконец существо Русской поэзии...», осталась, несмотря на прямое авторское указание в письме к П. А. Плетневу [Гоголь 2009–2010. 13: 393], практически неизвестной исследователям. Эта «эпоха» приходится, судя по всему, на завершающий период работы над первым томом «Мертвых душ», который наступил спустя шесть лет после начала создания статьи и поэмы, в конце 1841 — начале 1842 г. В частности, к этому времени, по-видимому, прямо относится краткая заметка «О Крылове» в гоголевской записной книжке 1841–1845 гг.: «Вот чистые, без всякой примеси русские понятия, золотые зерна ума.

Ум, безог<оворочный>» [Гоголь 2009–2010. 9: 679]. Заметка точно соответствует характеристике Крылова в статье о поэзии: «Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум» [Гоголь 2009–2010. 6: 178].

Несмотря на почти дословные переключки между отрывком из книги и заметкой «О Крылове», находящейся в записной книжке, запись о «безоговорочном» уме баснописца, судя по происхождению, принадлежит не ко времени непосредственного написания «Выбранных мест из переписки с друзьями», т. е. не к 1844–1846 гг., а к гораздо более раннему периоду — ко времени проживания Гоголя в Москве в доме М. П. Погодина с 17 октября 1841 г. по 23 мая 1842 г. Об «уме» Крылова Гоголь, как указывалось, рассуждал уже на самом первом этапе создания статьи, в черновых набросках обзора «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» («в басне у него выразился чисто русский сгиб ума»; см. выше). Соответствующая предварительная работа была проделана Гоголем на начальном этапе и относительно пословиц (об этом свидетельствует раздел «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы Малороссийские» в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» 1826–1830 гг. [Гоголь 2009–2010. 9: 553–556]). Но в начале 1840-х гг. в размышлениях Гоголя о «чисто русском сгибе ума» Крылова появляется важное уточнение. Фраза, соответствующая позднему определению в статье о поэзии особенности ума баснописца — как ума «заднего», появляется тогда в черновой редакции десятой главы первого тома «Мертвых душ». Эта редакция датируется периодом с начала 1840 г. до осени этого года: «Почтмейстер <...> сознался, что совершенно справедлива пословица, говорящая, что русский человек задним умом крепок» [Гоголь 1937–1952. 6: 530–531]. В рассуждении о «заднем уме» Гоголь с очевидностью следовал наблюдениям И. М. Снегирева и Н. И. Надеждина, опубликованным еще в 1830-х гг. [Снегирев: 27; Надеждин 1837: 267–268] [Виноградов 2017–2018. 3: 49–50]. В капитальной статье Надеждина «Великая Россия», напечатанной в 1837 г. в девятом томе «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара говорится, что «быстрота понятия и медленность суждения принадлежат равно всем поколениям Русского племени», а в доказательство приводится пословица: «Русак умен задним умом» [Надеждин 1837: 268]. Статью Надеждина Гоголь мог прочесть

вскоре по приезде в Россию осенью 1839 г. Судя по переключке черновых строк поэмы 1840 г. (о «заднем уме») с размышлениями Гоголя о Крылове, заметка в записной книжке о баснописце, датируемая концом 1841 — началом 1842 гг. (эта датировка подтверждается и соседними записями в книжке, относящимися к 1842 г. [Виноградов 2017–2018. 4: 47–49, 194]), является, по-видимому, уникальным свидетельством именно второго, промежуточного этапа создания статьи «В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность».

Этот вывод был бы единственным свидетельством второго этапа работы Гоголя над статьей, если бы с закономерностью не повлек за собой продолжение и не привел к новому неожиданному заключению. «Уникальным» след второго этапа работы Гоголя над статьей (обнаруживаемый заметкой «О Крылове») оказывается лишь на первый взгляд. Определение хронологических рамок этого этапа проливает свет на появление среди гоголевских рукописей многочисленных подготовительных материалов, посвященных русской поэзии, мотивы составления которых до сих пор никак не были осмыслены исследователями. Судя по всему, ко второму этапу создания статьи «В чем же наконец существо Русской поэзии...» прямое отношение имеет не только краткая заметка «О Крылове» (в записной книжке), но и целый комплекс рукописных сборников Гоголя, датируемых этим периодом. К осени 1841 — весне 1842 г. относится заполнение Гоголем нескольких тетрадей, которые, как выясняется, тесно связаны с законченной много лет спустя статьей. Это сборники «Сочинения Ломоносова и Державина», «Русские песни», «Южнорусские песни» (тетрадь первая) и «Выписки из Кормчей книги» — выписки из «Книги правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец...» (СПб., 1839) и первого тома «Христианского Чтения» за 1841 г. [Виноградов 2017–2018. 3: 591–593]. Собранные в первой из этих тетрадей стихотворения Ломоносова и Державина Гоголь цитирует в статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...»; о народных песнях и «слове церковных пастырей» говорит там же как о важнейших самобытных источниках национальной поэзии. (О народных песнях создатель «Тараса Бульбы», положивший их в основу этой повести [Виноградов 2009а: 421–429], тоже размышлял еще в 1830-х гг. [Виноградов 2021b: 260–261, 266, 268–269], т. е. еще в начальный период вызревания замысла статьи о русской поэзии.)

Вывод о том, что к работе над статьей о поэзии в 1841–1842 гг. имеет отношение несколько рукописных сборников Гоголя той поры, объясняет попутно еще одну ее нерешенную загадку, а именно, имеющееся в ней очевидное противоречие, которое до сих пор тоже не было осмыслено. Дело в том, что в самом начале статьи исконными источниками русской поэзии Гоголь называет последовательно народные песни, пословицы и пастырское слово: «Самородный ключ ее уже бил в груди народа тогда, как самое имя еще не было ни на чьих устах. Струи его пробиваются в наших песнях, <...> в пословицах наших, <...> наконец, в самом слове церковных пастырей...» [Гоголь 2009–2010. б: 155]. Однако в заключении статьи без всяких объяснений состав источников неожиданно меняется. В финале последний источник — «слово церковных пастырей» — не упоминается, но заменен другим; здесь столь же последовательно называются уже не песни, пословицы и слово пастырей, а песни, пословицы и «*церковные песни и каноны*»: «Еще никто не черпал из самой глубины тех трех источников, о которых упомянуто в начале этой статьи. Еще доселе загадка — этот <...> разгул, который слышится в наших песнях... <...> Еще ни в ком не отразилась <...> та <...> полнота ума нашего, которая заключена в наших <...> пословицах... <...> Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм <...>, который исходит от наших церковных песней и канонов...» [Гоголь 2009–2010. б: 195]. Объяснение этой перемены заключается, по-видимому, именно в том, что статья создавалась в несколько этапов. Начало статьи (с упоминанием о пастырском слове) относится к периоду конца 1841 — начала 1842 гг.; финал — к следующему, третьему этапу — к тому времени, когда в феврале (н. ст.) 1845 г. Гоголем был составлен еще один рукописный сборник, имеющий отношение к статье о русской поэзии, — «Каноны и песни церковные» [Виноградов 2017d]. Составление этого сборника, связанного с возникшим тогда у Гоголя (в конце 1843 г.) новым поэтическим замыслом — с работой над книгой о Литургии, и послужило основой для заключительного вывода статьи о «*церковных песнях и канонах*».

В свете этих наблюдений представляется также вероятным, что именно статья о русской поэзии должна была стать той несостоявшейся публикацией, которую Гоголь готовил в январе-феврале 1842 г. для «Современника» П. А. Плетнева — обещая последнему в письме от 6 февраля 1842 г. прислать «в первых числах апреля» «статью около

семи печатных листов» [Гоголь 2009–2010. 12: 14] (приблизительно такой объем и составляет напечатанная в 1847 г. статья «В чем же наконец существо русской поэзии...»). Есть основания предполагать, что разговор Гоголя с Плетневым о возможной статье для журнала состоялся еще в октябре 1841 г., во время пребывания Гоголя в Петербурге после возвращения из-за границы [Виноградов 2021а: 463]. Еще в 1838 г. Плетнев обращался с просьбой к В. А. Жуковскому: «При свидании с Гоголем скажите ему, <...> не пришлет ли он что-нибудь мне для “Современника”» [Виноградов 2017–2018. 3: 161]. Обширную, «около семи печатных листов» статью для плетневского журнала Гоголь заменил потом второй редакцией повести «Портрет», которую отправил Плетневу 17 марта 1842 г. Объясняя перемену, Гоголь писал: «Я силится написать для “Современника” статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова» [Гоголь 2009–2010. 12: 26]. По-видимому, в данном случае произошла замена одного литературно-художественного манифеста — статьи о русской поэзии, другим — «Портретом». Позднее, на третьем этапе работы над статьей, Гоголь предполагал напечатать ее именно в «Современнике» Плетнева.

3. Третий этап работы

Третий этап создания статьи о русской поэзии с очевидностью приходится на период с весны 1843 до июня 1845 г. — вплоть до творческого кризиса Гоголя, ознаменованного сожжением во второй половине июня 1845 г. глав второго тома «Мертвых душ» [Виноградов 2017–2018. 5: 121–126]. Судя по фактам, статья по-прежнему мыслилась тогда Гоголем отдельно — предназначалась для публикации в плетневском журнале. Однако с весны 1844 г. параллельно началось вызревание замысла будущих «Выбранных мест из переписки с друзьями», куда она впоследствии была включена.

(Предыстория создания книги восходит к тому времени, когда А. О. Смирнова 11 апреля (н. ст.) 1844 г., будучи в Париже, дала прочесть А. И. Тургеневу ряд назидательных писем к ней Гоголя (от 20 и 26 марта,

от 7 апреля (н. ст.) 1844 г.) [Виноградов 2017–2018. 4: 477–488]. Еще одним побудительным мотивом создания «Выбранных мест...» явилось, по-видимому, высказанное осенью того же 1844 г. П. А. Плетневым новое недовольство тем, что Гоголь почти не принимает участие в «Современнике» [Виноградов 2017–2018. 4: 588–590].)

28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал поэту Н. М. Языкову: «Я имею намерение <...> напасть на тебя без всякой пощады и только уже не между двух глаз, а публично, ибо имею в виду сказать кое-что вообще о русских писателях» [Гоголь 2009–2010. 12: 242]. Как отметил Н. С. Тихонравов [Тихонравов 1889: 544], Гоголь «напал» на Языкова именно в статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...» — «Все ждали чего-то необыкновенного от нового поэта... <...> Но дела не дождались» [Гоголь 2009–2010. 6: 175]. В этом «нападении» Гоголь повторил упрек в письме к поэту от 26 октября (н. ст.) 1844 г.: «...Надобно присесть за дело, а самого дела еще нет» [Гоголь 2009–2010. 12: 482]. (С этим упреком Языков в ответном письме — от 5/17 ноября 1844 г. — согласился [Гоголь 2009–2010. 12: 506].)

2 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь вновь обращался к поэту: «Пришли мне пожалуйста, <...> Оду твою к Давыдову, напечатанную в Московск<ом> наблюдателе, и Тригорское. То и другое мне теперь очень нужно для некоторой статьи, уже давно засевшей в голове. Хорошо бы было прислать и весь том твоих сочинений» [Гоголь 2009–2010. 12: 351] (речь идет о книге «Стихотворений Н. Языкова», изданной в 1833 г.).

В «Выбранных местах...» непосредственно Языкову Гоголь адресовал двухчастную статью «Предметы для лирического поэта в нынешнее время. (Два письма к Н. М. Языкову)» (статья датирована самим Гоголем 1844 г.; она создавалась в самом конце этого года [Виноградов 2017–2018. 4: 609, 637–638, 643–644]). Упомянутое в письме стихотворение Языкова «Тригорское» (1827) Гоголь процитировал в двух других статьях книги — «О лиризме наших поэтов. (Письмо к В. А. Жуковскому)» и «В чем же наконец существо Русской поэзии...» [Гоголь 2009–2010. 6: 40, 174]; послание Языкову «Д. В. Давыдову» (1835) он цитировал только в последней статье [Гоголь 2009–2010. 6: 174]. Таким образом, просьба к Языкову обнаруживает новый след работы Гоголя над статьей.

Н. С. Тихонравов указал также [Тихонравов 1889: 545], что в статье «В чем же наконец существо Русской поэзии...» Гоголь повторил свои

размышления о «призвании и долге» Языкова — «быть передовою, возбуждающею силою общества во всех его благородных и высших движениях» [Гоголь 2009–2010. 6: 177], — которые высказал в письме к поэту 2 января (н. ст.) 1845 г.: «Ты <...> можешь много ободрить русского человека» [Гоголь 2009–2010. 13: 9].

Вероятно, весной 1845 г., во время пребывания во Франкфурте у Жуковского, с 3 марта (н. ст.) по 15 мая (н. ст.) 1845 г., Гоголь завершил новую редакцию статьи о русской поэзии, которую предполагал отправить в Петербург П. А. Плетневу для отдельной публикации в журнале «Современник» (выполняя в этом случае обещание, данное Плетневу в письме от 6 февраля 1842 г.; см. выше). Однако тогда же, в 1845 г., Гоголь был «остановлен» в этом Жуковским, который не одобрил тогдашний вариант его сочинения. В статье «О лиризме наших поэтов», датированной Гоголем 1846 г., писатель сообщал: «Прежде всего благодарность... <...> Прошлый год твоя <...> рука остановила меня, когда я уже было хотел послать Плетневу в Современник мои сказанья о Русских поэтах...» [Гоголь 2009–2010. 6: 38].

Возможно, в те же месяцы Гоголь стал склоняться к тому, чтобы печатать статью отдельно в «Современнике», а включить ее в готовящиеся «Выбранные места из переписки с друзьями». 2 апреля (н. ст.) 1845 г. он сообщал А. О. Смирновой о намерении подготовить книгу: «Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих и которое доставит мне в избытке деньги, потребные для пути» [Гоголь 2009–2010. 13: 82] (Гоголь имел в виду паломничество к Святым Местам).

4. Завершающий этап

После неодобрения статьи Жуковским и сожжения (вероятно, вместе со статьей [Тихонравов 1889: 545]) первоначальной редакции второго тома «Мертвых душ» воплощение «сказаний о Русских поэтах» (как и замыслов других статей «Выбранных мест...») почти на год приостановилось. Однако сама работа над определением «существа Русской поэзии», как выясняется, не прекратилась. В этот период Гоголя на некоторое время занял другой замысел, тесно связанный с оставленной статьей. Новый замысел датируется временем пребывания Гоголя

в Риме с середины октября (н. ст.) 1845 г. до начала мая 1846 г. Данные на этот счет свидетельствуют, что Гоголь работал тогда над «Учебной книгой словесности для русского юношества» (эта работа, обнаруживающая содержательные переклички с обзором 1836 г. «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», начальным для создания статьи о поэзии, осталась незавершенной).

В работе над учебной книгой словесности Гоголь так же, как при написании статьи о русской поэзии, воспользовался своим рукописным сборником «Сочинения Ломоносова и Державина». Ломоносов и Державин, осмысление наследия которых составляет существенную часть статьи Гоголя о русской поэзии, продолжают, как и в 1841–1842 гг., оставаться наиболее «востребованными», чаще других привлекаемыми и в «Учебной книге словесности...» Тогда же, сравнительно со сборником «Сочинения Ломоносова и Державина», среди гоголевских подготовительных материалов появляются новые, дополнительные. Это отдельные списки стихотворений М. Ю. Лермонтова, Н. М. Языкова, М. Н. Лихонина и др. [Гоголь 2009–2010. 17: 638–662].

Показательно, что нигде в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (над которыми Гоголь тогда тоже работал) нет упоминаний о поэте Ю. А. Нелединском-Мелецком (1752–1828), в то время как в «Учебной книге словесности...» его имя встречается семь раз. По-видимому, появление в учебной книге имени Нелединского-Мелецкого связано с напоминанием об этом поэте А. О. Смирновой, которая 16 декабря 1845 г. сообщала Гоголю в письме из Калуги: «Между духовными лицами я отыскала одного старого священника, который обратил Юрия Александровича Нелединского к Богу и был его другом» [Гоголь 2009–2010. 13: 250]. Письмо Смирновой Гоголь получил в Риме в конце января (н. ст.) 1846 г. (см. ответное письмо Гоголя от 27 января (н. ст.) 1846 г. [Гоголь 2009–2010. 13: 258]). Связь содержания «Учебной книги словесности...» с письмом Смирновой позволяет датировать работу над книгой точнее — временем с февраля по март (н. ст.) 1846 г.

В конце марта — начале апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь, вероятно, уже оставил работу над учебной книгой и вернулся исключительно к воплощению замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями» (где стихотворения Нелединского-Мелецкого упоминать так и не стал). Немного ранее, в начале 1846 г., т. е. спустя полгода после сожжения

второго тома «Мертвых душ», была возобновлена и работа над поэмой [Виноградов 2017–2018. 5: 248, 255–256, 282–283].

К концу марта — началу апреля (н. ст.) 1846 г. и относится новый, четвертый, завершающий этап работы над статьей о русской поэзии. В письме к Языкову от 21 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал: «Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, <...> вижу, что из этого может составиться книга... <...> Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе» [Гоголь 2009–2010. 13: 307]. Предположительно весной-летом 1846 г. в записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. появляется первоначальный план «Выбранных мест из переписки с друзьями». В нем статья о русской поэзии обозначена лишь начальными словами заглавия — «В чем же наконец» (не закончено [Гоголь 2009–2010. 9: 667]). Статья стоит здесь еще не на том месте, на котором она оказалась в итоговом составе. В первоначальном плане она находится на одиннадцатой из семнадцати позиций — в отличие от предпоследнего места среди тридцати трех статей в окончательной редакции. набросок одной из статей книги, приведенных в плане, — «О науке» (в окончательную композицию он не вошел), — является фрагментом рукописи «Учебной книги словесности...» [Гоголь 2009–2010. 6: 343–344]. (Подробнее о соотношении науки и поэзии в гоголевской концепции см.: [Виноградов 2016а].) Появление фрагмента из учебной книги в плане «Выбранных мест...» лишний раз свидетельствует о преемственности гоголевских замыслов.

Новый этап работы над статьей занимает, таким образом, период с конца марта (н. ст.) до осени 1846 г. На этот раз он окончился уже не сожжением произведения (как это случалось в предшествующие «три эпохи»), а ее отправлением 16 октября (н. ст.) 1846 г., в составе новой книги, в Петербург Плетневу для печатания [Гоголь 2009–2010. 13: 393]. Плетнев получил гоголевское письмо с вложением двух заключительных глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» (включая саму статью о поэзии) 17/29 октября 1846 г. [Виноградов 2017–2018. 5: 407]. В конце жизни статью «В чем особенность русской поэзии» Гоголь предполагал включить в пятый том готовившегося тогда собрания сочинений [Гоголь 2009–2010. 6: 260].

5. *Самобытные источники русской поэзии:
автохарактеристика поэтики Гоголя*

Создававшаяся долго, связанная с самим замыслом «Мертвых душ», статья Гоголя «В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность» отличается глубокой концептуальностью. Однако, подобно истории создания статьи, содержание ее тоже долгое время оставалось до конца не исследованным. Подобно всем статьям «Выбранных мест из переписки с друзьями», глава о русской поэзии носит религиозно-патриотический характер [Виноградов 2017с]. Согласно ее содержанию, вершину поэзии составляет религиозное творчество. Этот взгляд, созвучный пушкинскому, Гоголь высказывал еще в 1830-х гг. [Виноградов 2021b: 268–269]. По словам Пушкина, «*религия*» является «вечным источником поэзии у всех народов» (курсив мой. — И. В.) [Пушкин 1949: 271] (цитата из неопубликованной статьи Пушкина «Мнения о ничтожестве литературы русской», датируемой периодом с декабря 1833 — до конца мая 1835 г. [Виноградов 2019а: 47–66]).

К характеристике Пушкина в статье 1834 г. «Несколько слов о Пушкине» как прообраза будущего русского человека (каким он, «может быть, явится чрез двести лет» [Гоголь 2009–2010. 7: 276]) восходит развернутая в позднейшей статье программа создания национального характера. В определении трех уже упоминавшихся источников самобытной русской поэзии, служащих «построению» русского человека, — песен, пословиц и слов церковных пастырей, — которые «били в груди народа», когда «самое слово поэзия» «еще не было ни на чьих устах» [Гоголь 2009–2010. 6: 155, 195], — Гоголь, по-видимому, следовал Н. М. Карамзину, который в заключение четвертой, последней главы пятого тома «Истории государства Российского» (посвященной описанию России в XIII–XV вв.) в качестве главных источников русской образованности того времени называл последовательно «церковные или душеспасительные книги» (включая летописи, исторические произведения и «слова»), «народные пословицы» и «народные песни русские» [Карамзин: 402–410; Виноградов 2000: 103].

Определяя «существо» и «особенность» русской поэзии, Гоголь излагает ее исторический очерк, намечает перспективы развития и определяет ее назначение. Среди современников главные надежды Гоголь

возлагает на поэта Языкова, которого одновременно хвалит и порицает в статье.

(Аналогичным «нападкам» Гоголя подвергся в другой статье «Выбранных мест...» — «О том, что такое слово», еще один из его единомышленников, славянофил-государственник М. П. Погодин. На последнего Гоголь «напал», желая его исправить, потому что возлагал на него большие надежды: только М. П. Погодин и С. П. Шевырев могли по-настоящему сплотить и повести за собой в Москве здоровые, государственно ориентированные силы. На радикальных москвичей-славянофилов Аксаковых, Хомякова и Киреевских, вследствие их известной оппозиционности, положиться, по оценке Гоголя, было нельзя [Виноградов 2019f].)

Ранее, в «Учебной книге словесности...» Гоголь замечал, что «род <...> описательный, или дидактический, <...> не есть сам по себе путь, которым передает свои впечатления поэт» [Гоголь 2009–2010. 6: 325]. В статье о русской поэзии он продолжал: «Не по стопам Пушкина надлежало Языкову обрабатывать и округлять стих свой... <...> ...Скорей от Державина, чем от Пушкина, должен был он засветить светильник свой. <...> Уделы поэтов не равны. Одному определено быть верным зеркалом и отголоском жизни — на то и дан ему многосторонний описательный талант. Другому повелено быть передовою, возбуждающею силою общества во всех его благородных и высших движениях — и на то дан ему лирический талант» [Гоголь 2009–2010. 6: 176–177]. Вспоминая о «полном арсенале орудий поэта», которые оставил в своих сочинениях Пушкин, Гоголь замечал: «Выбирай себе всяк по руке любое и выходи с ним на битву; но сам поэт на битву с ним не вышел. Зачем не вышел? — это другой вопрос» [Гоголь 2009–2010. 6: 169]. В «Авторской исповеди» он также подчеркивал: «...Для того чтобы передавать одну верную копию с того, что видим перед глазами, есть <...> писатели, одаренные иногда в высшей степени способностью живописать, но лишенные способности *творить*» [Гоголь 2009–2010. 6: 238]. Таким образом Гоголь выстраивает иерархию между талантом «писателя-живописца» и талантом «писателя-творца» — умеющего употребить с пользой поэтические «орудия».

В завершении статьи о поэзии Гоголь, наставляя Языкова, вновь подчеркивал: «Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец... <...> ...Христианским, высшим воспитаньем должен воспи-

таться теперь поэт» [Гоголь 2009–2010. 6: 194]. Гоголь объяснял эту новую потребность тем, что перед поэзией стоит теперь уже не «младенческая» описательная задача, а задача «вызвать <...> человека <...> на битву <...> за нашу душу, которую Сам Небесный Творец наш считает перлом Своих созданий» [Гоголь 2009–2010. 6: 194]: «Много предстоит теперь для поэзии — возвращать в общество того, что есть истинно прекрасного и что изгнано из него нынешней бессмысленной жизнью» [Гоголь 2009–2010. 6: 194]; «Поэзия наша <...> воспитывалась литературами всех народов, <...> добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению *более значительному*» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 194].

Пояснением к этим размышлениям может служить также письмо Гоголя к К. С. Аксакову от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. Оно содержит фрагмент, который, по-видимому, относится ко второму этапу работы Гоголя над статьей о русской поэзии, к 1841–1842 гг. (В числе других данных, отрывок из письма также является документальным свидетельством, указывающим на этот период.) «Пред вами громада — русский язык! — писал Гоголь в 1842 г. Аксакову. — Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изложить чудные законы его, в которых, как в великолепном создании мира, отразился Предвечный Отец и на котором *должна* загреть вселенная хвалой Ему» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 12: 157–158].

Статья Гоголя «В чем же наконец существо Русской поэзии...», держа в себе итоговый очерк развития отечественной словесности, с очевидностью может служить и автохарактеристикой творчества Гоголя. Вопреки заявлениям В. Г. Белинского о «перемене», случившейся с Гоголем ко времени издания «Выбранных мест из переписки с друзьями», переключки между «ранними» художественными произведениями писателя, его незавершенной поэмой и итоговой книгой — «Выбранными местами из переписки с друзьями», настолько многочисленны, что одно перечисление их составило бы предмет отдельной монографии (см., в частности: [Виноградов 2000]). По признанию самого Гоголя, его ранние повести представляют собой не что иное как «бледные отрывки тех явлений», «из которых долженствовала создаться в его законченной поэме «полная картина» (это признание Гоголь сделал не в конце жизни, а почти в самом начале работы над «Мертвыми душами» — 28 ноября 1836 г. в письме к М. П. Погодину [Гоголь 2009–

2010. 11: 86]). Творчество Гоголя предстает, таким образом, «неделимым» художественным полотном, в котором «ранние» произведения выступают своего рода подготовительными набросками, а «Мертвые души», в их окончательном виде, в трех томах, призваны были обнять все грани художественной концепции автора. Предваряющей попыткой такого обобщения и явились «Выбранные места из переписки с друзьями», и прежде всего статья о русской поэзии, которая выступает не только своеобразным публицистическим эквивалентом сожженного *второго* тома «Мертвых душ» (как это обычно считается), но, судя по ее содержанию, представляют собой эпистолярное отражение *всего* замысла «Мертвых душ», в его «неразорванном», едином художественном целом, *включая первый том* [Виноградов 2017а; 2017б].

В качестве «реальных элементов» собственного гоголевского «стиля» три указанных в статье Гоголя самородных источника, особенно последний — слово церковных пастырей, были отмечены в 1930 г. В. А. Десницким (историк литературы, выпускник Нижегородской Духовной семинарии 1899 г.). Десницкий писал: «Первые две “струи”, особенно первую, песенную, Переверзев нашел в стиле Гоголя, занеся ее на счет казачества; <...> третья же струя совсем оставлена вне поля зрения исследователя гоголевского стиля. Между тем она проходит через все творчество Гоголя, и не только как содержание и окраска его публицистических выступлений (“Выбранные места”, “Авторская исповедь” и др.), но и как оформляющая стиль его чистохудожественных произведений: проповедническая установка ряда произведений (“Ревизор”, “Мертвые души” и др.), героический патетический пейзаж, лексика и сравнения, построение описательных периодов и т. п. Наличие этой струи в художественной литературе особенно характерно для Украины, где и городское и сельское духовенство не было так обособлено от поместного дворянства, как в Великороссии, и где развитие церковной проповеди шло иными путями. Учесть же эту “струю” было особенно важно, потому что в ней органически связываются публицистическая и художественная ткани гоголевского творчества...» [Десницкий 1930: 31–32; 1933: 158–159]. На принципиальное значение этих трех источников для понимания гоголевского творчества указывали впоследствии и другие исследователи [Соколов: 46; Воропаев 1981а; 1981б; Паламарчук: 388; Виноградов 1994].

Наряду с определением исконных, самобытных истоков отечественной словесности, гоголевская концепция исторического развития русской поэзии включает в себя и размышления о значении послепетровской эпохи в жизни России. В обеих этих составляющих — с одной стороны, исконной, самобытной, с другой, — возникшей в результате государственных преобразований, — нашла отражение последовательная позиция Гоголя как славянофила-государственника — отличающая его взгляды от воззрений некоторых его приятелей — славянофилов радикального толка [Виноградов 2019b; 2019c; 2019f; 2021d]. На еще один источник русской поэзии, наряду с традиционными — народной песней, церковными песнопениями, пословицей и пастырским словом, — Гоголь указал, отметив в статьях «О лиризме наших поэтов» и «В чем же наконец существо Русской поэзии...» важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства [Гоголь 2009–2010. 6: 46, 157].

Начало процессу становления России как империи было положено еще св. равноапостольным князем Владимиром, получившим от византийского василевса знаки императорской власти [Петров: 107–130]. Это становление было продолжено Иоанном Грозным, в его венчании на царство.

Основательный, почти исчерпывающий очерк становления российской государственности был изложен Гоголем еще в первый период работы над статьей о русской поэзии. В статье-лекции 1835 г. «Знаменитые народы с Рождества Христова» писатель, в частности, прослеживал вызревание будущей русской империи от основания Киева и Новгорода, призвания варягов («положено здесь основание самодержавному владению» [Гоголь 2009–2010. 8: 95]) и Крещения св. Владимира; отмечал заслуги в укреплении России государей Иоанна III, Иоанна IV, «гражданина Минина» и князя Д. М. Пожарского, царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, Петра Великого (воздвигнувшего Россию «на степень Империи») и последующих императоров — Екатерины II, Александра I [Гоголь 2009–2010. 8: 95–97]. (Кроме того, о назначении самой власти Гоголь размышлял в начале 1830-х гг., выписав, в частности, из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина слова одного из удельных князей: «Бог поставил нас волостелей (властителей) в месть злодеем и в добродетель благочестивым...» — [Гоголь 2009–2010. 8: 58; «Выписки из Киевской летописи»].)

О провозглашении в 1721 г. Петра I Императором и, одновременно, о значении русской поэзии в развитии страны и российского общества, Гоголь упоминал и в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Пушкин <...> это русский человек в его развитии, в каком он <...> явится чрез двести лет. <...> Русская История только со времени последнего ее направления при Императорах приобретает яркую живость...» [Гоголь 2009–2010. 7: 276].

Таким образом, мысли о созидательной роли двух начал в формировании русского характера — самобытной поэзии и, одновременно, единодержавия, равно устремляющих народ «к великому», — были высказаны Гоголем еще во время первого периода работы над статьей о поэзии — в 1830-х гг. (Это еще раз подтверждает свидетельство автора о «трех эпохах» создания его статьи, а также гипотезу Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, прислушавшихся к гоголевскому свидетельству и относивших первую «эпоху» к 1830-м гг.)

Событие 1721 г. — провозглашение Петра Императором — «создало», по словам Гоголя, русскую поэзию, породило «верховный лиризм» одической поэзии первых представителей новой, «блестящей» ее эпохи — Ломоносова и Державина — и поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету» [Гоголь 2009–2010. 6: 157], т. е. спасение душ подданных, «приближение иного Царствия» [Гоголь 2009–2010. 6: 41] [Виноградов 2016b: 166–167]. В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь замечал: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного...» [Гоголь 2009–2010. 6: 46]. С этими размышлениями связано и пророческое восклицание главного героя в заключении второй редакции «Тараса Бульбы» (1842): «...Подымется из Русской земли свой царь!..» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 413].

По словам Гоголя, окончательное обретение Россией имперского статуса «дало ход нашей нынешней поэзии, внося новое, светоносное начало, которого не видно было ни в одном из тех <...> источников, о которых упомянуто вначале» [Гоголь 2009–2010. 6: 157]. В то же время из рассуждений Гоголя явствует, что обозначенный им *новый* «источник» поэтического творчества — «восхищенье от света, внесенного в Россию, изумленье от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам» [Гоголь 2009–2010. 6: 157], —

органично отвечает перечисленным *исконным*, самобытным началам русской поэзии — песням, пословицам, пастырскому слову и литургической гимнографии. Подобно тому как интеллектуальное начало — мудрость народной пословицы — находит себе продолжение в церковной проповеди, так же «имперское» одописание последовательно развивает самобытные русские «песенные» традиции: с одной стороны, оно наследует народным песням (включая русские былины и украинские «думы», прославлявшие подвиги национальных героев; см.: [Виноградов 2021b: 266–267]), с другой, — церковной гимнографии и литургики. «Имперский» источник русской поэзии (давший начало не только одописанию, но и сатире; см. ниже), органично составляющий, вместе с четырьмя другими национальными истоками, ее «существо» и «особенность», в свою очередь был в полной мере явлен в творчестве самого писателя [Виноградов 2001a; 2001b; 2016b].

6. Полемиические мотивы статьи

Важной особенностью гоголевской статьи о русской поэзии являются также присущие ей, как и всей книге, полемиические мотивы. Будучи не всегда очевидными, они относятся к разным периодам создания статьи, как ранним, так и поздним, что вновь характеризует это литературно-критическое сочинение Гоголя как результат *многолетних* раздумий и обобщений. Поэтому, рассматривая историю создания статьи, важно в заключение охарактеризовать эту ее идейную составляющую.

Одной из принципиальных задач статьи было уяснение отношения к наследию Ломоносова и Державина и оценка их творчества. Защищая религиозно-патриотические, «монархические» оды Ломоносова и Державина, Гоголь имел в виду негативное отношение к ним радикала В. Г. Белинского, а также вторившего ему оппозиционного славянофила К. С. Аксакова, бывшего московского приятеля критика. Восстанавливая справедливость, Гоголь как убежденный славянофил-государственник продолжил в этом и *пушкинскую* апологию ломоносовских и державинских од — и в целом русской литературы. Свою апологию Ломоносова и Державина Пушкин направлял в 1820–1830-х гг. против нападков целой плеяды тогдашних либеральных журналистов — Анд. И. Тургенева, А. А. Бестужева,

В. К. Кюхельбекера, И. В. Киреевского, Д. В. Веневитинова, Кс. А. Полевого. Указанные литераторы, ратуя за создание в России *оппозиционного* направления словесности, заявляли, будто в России литературы вовсе не существует [Виноградов 2019а: 49, 54–61, 64, 88–90; 2019с: 214–216]. Н. И. Надеждин, который в свое время вслед за Пушкиным тоже вступил в полемику с западничеством, замечал: «...У нас существует сомнение, идет спор: “есть ли в нашем отечестве литература?” По-видимому, не следовало бы и обращать внимания на парадокс, состоящий в таком ярком противоречии с действительностью: надо было б заткнуть уши от тех, кои вздумали проповедывать такое дикое сомнение, и искренне пожалеть о других, принявших на себя тяжкий и неблагодарный труд доказывать слепому существование цветов, толковать с глухим о звуках. <...> ...Вы, <...> гг. русские Гегели, не имели бы, о чем сомневаться, с чем ратовать, <...> если б у нас не было литературы» [Надеждин 1836: 6–7, 13–14]. Возвращая либералам их упрек в адрес национально-патриотического крыла русской литературы, Надеждин восклицал: «Большинство наших словесников метит в Бальзаки, в Гюго; и, в награду всех усилий, едва попадает в Поль-де-Коки, да и то с уроном здравого смысла, с исключением грамматики! <...> И все это благодаря *чужеядству* нашего словесного образования, прикрывающемуся теперь обольстительным названием *европеизма!* <...> Да! рассматривая внимательно настоящее положение нашей письменности, невольно призадуматься <...> и спросишь уже — не “*есть ли*”, а “*может ли даже быть* у нас своя живая *литература?*”» [Надеждин 1836: 59–60]. В заключение статьи Надеждин приводил строки оды Г. Р. Державина «На взятие Измаила» (1790), в которых видел поэтическое выражение «светлого, торжественного самосознания» русского народа: «О Росс! о род великодушный! / О твердо-каменная грудь! / О исполин, Царю послушный! / Когда и где ты досягнуть / Не мог тебя достойной славы?» [Надеждин 1836: 263]. Кроме того, упоминая в статье о сходных чувствах австрийских славян, Надеждин указывал: «Мы еще не знаем, как они нас любят, как гордятся нашею славою, <...> с каким сладким восторгом слышат о великой империи, где сам Кесарь своими державными устами говорит *по-славянски!*.. <...> Простой народ почти со слезами слышит рассказы о *Царе, говорящем по-славянски*; этому я сам не раз был свидетелем» [Надеждин 1836: 246]. (Уместо привести также слова известного серб-

ского святителя Петра Цетинского (Негоша, 1748–1830): «...Радость и счастье всего славяно-илирийского народа зависят от процветания и славы высокославных россов, правление которых для расширит Бог во все концы вселенной» [Виноградов 2019b: 43–44].)

В противостоянии либеральной журналистике Пушкин, Надеждин и Гоголь последовательно отстаивали народно-государственные начала русской литературы. Гоголь, отмечая подчеркнутую самим Пушкиным преемственность его творчества с патриотической поэзией XVIII в., с ее «светоносным» источником, воплощенным в одах, писал: «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов» [Гоголь 2009–2010. 6: 38–39]. Согласно с этим пафосом Гоголь в статье о поэзии возражал Белинскому и по поводу пушкинского «Евгения Онегина». В 1845 г. критик заявлял, что роман Пушкина «можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» [Белинский: 425] (в последующую, отмеченную западничеством эпоху это мнение стало, как известно, «хрестоматийным»). Гоголь, продолжая в «Выбранных местах...» свою давнюю полемику о «лишних», или «огорченных» людях — вроде Онегина, Печерина, — а также «коптителя неба» Тентетникова и «пустышки» Хлестакова (в последних двух образах Гоголь разоблачал популярный среди современников тип Онегина) (см.: [Виноградов 2000: 300–312; 2018b; 2019e]), — отмечал: «Он <Пушкин> *хотел было* изобразить в “Онегине” современного человека и разрешить какую-то современную задачу — и не мог. <...> Поэма вышла собрание *разрозненных* ощущений, нежных элегий, колких эпиграмм, картинных идиллий... <...> ...Он откликнулся бы *потом* целиком на всю русскую жизнь, так же как откликался на всякую *отдельную* ее черту. Мысль о романе, который бы поведал простую, безыскусственную повесть прямо русской жизни, занимала его в последнее время неотступно. <...> Пушкин <...> написал “Капитанскую дочь”... <...> *В первый раз* выступили *истинно русские* характеры...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 170–171]. Сдержанную оценку личности самого Пушкина Гоголь давал и в статье о театре «Выбранных мест из переписки с друзьями». Гоголь замечал, что Пушкин — это человек, «который заключал в себе все разнородные верованья и вопросы своего времени, так сбивчивые, так отдаляющие нас от Христа», — но который, однако же, «в лучшие и светлейшие ми-

нуты своего поэтического ясновидения, исповедал выше всего высоту христианскую» [Гоголь 2009–2010. 6: 66].

Одновременно с возражением Белинскому на его оценку «Евгения Онегина» (как «энциклопедии русской жизни»), Гоголь в статье о поэзии сходным образом полемизировал с критиком и по поводу его интерпретации наследия М. Ю. Лермонтова. Это в свою очередь диктовалось стремлением остановить и исправить радикальный подход к русской поэзии «неистового Виссариона». В полемике о Лермонтове Гоголь, как и в случае с Ломоносовым и Державиным, выступал в защиту поэта. Вслед за М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым он дал Белинскому принципиальный ответ на его эпатирующее, прозвучавшее в 1842 г. с нескрываемым одобрением суждение о том, будто создатель «Демона» находился в «дружбе» с темными силами и во «вражде» «с небом». Гоголь, возражая Белинскому, охарактеризовал Лермонтова как несомненного противника демонического мира и описал направление его творчества в тех же выражениях, в каких определял сущность собственного писательского метода. Отвечая на эпатаж Белинского, внутренний мир поэта Гоголь признавал сходным с своим, находя это сходство в борьбе с «пошлостью» и пороками, одолевающими душу [Виноградов 2018a].

При характеристике Крылова Гоголь еще раз затронул проблему «лишних людей», их политической благонадежности, — подразумевая в числе таких людей (во второй раз в «Выбранных местах...») бывших декабристов (о декабристах, политических «сорванцах <...> возмутивших целое государство», Гоголь упоминал ранее в статье «Занимающему важное место» [Гоголь 2009–2010. 6: 146]). С одной стороны, Гоголь критиковал «доброжелательных, но недальнозорких начальников», среди которых «утвердилось <...> странное мнение, что нужно опасаться бойких, умных людей и обходить их в должностях из-за того единственно, что некоторые из них были когда-то шалуны и замешались в безрассудное дело» [Гоголь 2009–2010. 6: 180]. Не одобряя этой подозрительности, Гоголь утверждал, что «с умным человеком все можно сделать и нетрудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним», и что нелепо заблуждаются те, которые, «набравши к себе наместо мастеров дела людей Бог весть каких, еще и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они и не смыслят, но зато отличнейшего поведения» [Гоголь 2009–2010. 6: 180–181]. С другой

стороны, Гоголь подчеркивал и то, что Крылов делает «сильный» упрек тем «умным», что дали «задремать своим способностям» или дали им «развратное и злое <...> направление» [Гоголь 2009–2010. 6: 181].

В отечественной сатире, существовавшей до Д. И. Фонвизина и А. С. Грибоедова, Гоголь отмечал отсутствие «взгляда в душу человека» [Гоголь 2009–2010. 6: 183]. В появившихся затем «Недоросле» и «Горе от ума» не было, по его оценке, оппозиционности к существующей власти, но, напротив, была изображена нравственная порча, противоположная «духу правительства» и самой Церкви, духовные болезни человека, вредные для всего общества [Гоголь 2009–2010. 6: 185]. Называя, вслед за князем П. А. Вяземским, комедии Фонвизина и Грибоедова «современными трагедиями» [Гоголь 2009–2010. 6: 183], Гоголь подразумевал и свою «комедию-трагедию» «Ревизор» [Виноградов 2000: 294–295]. Здесь же Гоголь продолжил размышления о благотворной роли смеха, воплощенные в 1832 г. и в 1842 г. в черновом наброске на отдельном листе к «Отрывку из Истории Малороссии»: «Человек ничего так не боится, как стыда» [Гоголь 2009–2010. 7: 685]; и в «Театральном разезде...»: «...Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 468] [Виноградов 2017–2018. 2: 176–177; 2020: 55–57; 2021a: 148–149]. Повторяя эти суждения, в статье о поэзии Гоголь замечал, что «отъявленный мерзавец Загорецкий, <...> не боясь ничего, <...> боится, однако ж, насмешки, как черт креста» [Гоголь 2009–2010. 6: 185].

Тут же Гоголь вновь обращал внимание на проблему оппозиционных настроений. Происхождение их он рассматривал ранее еще в «Арабесках», в статьях «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «Несколько слов о Пушкине», «Ал-Мамун» [Виноградов 2019a: 41–42; 2021b; 247–251]. Строки на этот счет в статье о поэзии стали во многом повторением сказанного ранее. По словам Гоголя, недостойные, «выветрившиеся» представители старшего поколения «вредны <...> духу правительства своей двусмысленной жизнью — тем, что, под личиною усердия к царю и благонамеренности, требуя поддельной нравственности от молодых людей и развратничая в то же время сами, возбудили негодование молодежи, неуважение к старости и заслугам и склонность к вольнодумству действительному у тех, которые имеют некрепкие головы и способны вдаваться в крайности» [Гоголь 2009–2010. 6: 185]: «Такое скопище уродов общества

<...> должно было вызвать в отпор ему другую крайность, которая обнаружилась ярко в Чацком. В досаде и справедливом негодовании противу их всех Чацкий переходит также в излишество, не замечая, что через это самое <...> он делается сам нестерпим и даже смешон» [Гоголь 2009–2010. 6: 186]. В итоге Гоголь отмечал *проправительственный* характер русской «общественной комедии» (подразумевая при этом и своего «Ревизора»): «Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром...» [Гоголь 2009–2010. 6: 187] (см. об этом подробнее: [Виноградов 2021a: 69–75]). При этом, как и в случае с новым «одическим» началом русской поэзии, Гоголь подчеркивал исконные, самобытные истоки столь же нового, тоже вдохновенного деятельности Петра, «сатирического» направления: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях... <...> Глубина этой самобытной иронии еще пред нами не разоблачилась... <...> Все наши поэты заключали в себе это свойство» [Гоголь 2009–2010. 6: 182]. Эти строки, несомненно, представляют собой еще одну черту в автохарактеристике гоголевской поэтики.

Вывод Гоголя в статье: поэзия «была почти незнаема и неведома нашим обществом» [Гоголь 2009–2010. 6: 190]; она «совокупила только в одно казнохранилище отдельно взятые стороны нашей разносторонней природы», необходимые, чтобы в будущем «стать собой и сделаться русскими» [Гоголь 2009–2010. 6: 191]. Такой вывод объяснялся тогдашним состоянием русского общества, которое, по словам Гоголя, «воспитывалось в неведении земли своей посреди самой земли своей»: «Даже язык был позабыт, так что поэзии нашей были даже отрезаны дороги и пути к тому, чтобы коснуться его уха» [Гоголь 2009–2010. 6: 190]. В такой оценке Гоголь, как и в других отношениях, занимал последовательную антизападническую, славянофильскую позицию. По свидетельству историка Н. П. Барсукова, западники того времени «с неистовою ненавистью относились <...> ко всему, что носило печать Русского направления и “Русской Народности”»: «К песням и преданиям русского народа западники относились также отрицательно. Если под влиянием Запада и признавалось уже некоторыми научное значение народных преданий и песен, то в художественном отношении они представлялись, тем не менее, образованному большинству едва ли заслуживающими уважения» [Барсуков: 60–61]. Белинский, к примеру, в рецензии на украинский сборник «Ластовка» (1841), а также в одной из

четырёх статей о народной поэзии (3-я статья; Отечественные Записки. 1841. № 11) прямо отрицал, вопреки утверждениям самого Гоголя [Виноградов 2009а: 421–429], значение украинской народной поэзии для создания литературных произведений — и потому ставил гоголевского «Тараса Бульбу» в исключительную зависимость от своеобразия украинской истории как таковой, а также от развития на русской почве западноевропейских начал [Белинский. 5: 330]. (Напротив, на чрезвычайную важность для наследия отечественной словесности народных песен указывали единомышленники Гоголя — П. В. Киреевский, М. А. Максимович, О. М. Бодянский, А. С. Хомяков, граф А. К. Толстой и др. [Виноградов 2010].)

Выступая против радикализма, в том числе со стороны некоторых своих непримиримых друзей-славянофилов, представителей «правой фронды», Гоголь замечал по поводу героя комедии Грибоедова: «...Чацкий показывает только стремление чем-то сделаться, выражает только негодование противу того, что презренно и мерзко в обществе, но не дает в себе образца обществу» [Гоголь 2009–2010. 6: 186]. Гоголь пояснял: «Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его...» [Гоголь 2009–2010. 6: 66]. В статье «Споры» «Выбранных мест из переписки с друзьями» он отмечал: «Все эти славянисты и европисты, <...> покамест <...> мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть...» [Гоголь 2009–2010. 6: 51].

Сам Гоголь, будучи писателем-сатириком, тоже критиковал, подобно Чацкому, современное общество — тех его «уродов, из которых каждый окарикатурил какое-нибудь мнение, правило, мысль, извративши по-своему законный смысл их» [Гоголь 2009–2010. 6: 186]. Эта «критика» современных нравов — представляющих собой «карикатуры» на подлинно человеческие качества — это «двойное видение» Гоголя, как указывалось, с наглядностью воплотилась в замысле «Мертвых душ», где залогом возрождения пяти героев-помещиков служит «сходство» сатирических типов с пятью *первыми* русскими поэтами.

Памятуя о недостатках героя-обличителя грибоедовской комедии, Гоголь как христианский критик пороков общества в заключение статьи о русской поэзии прямо предложил тот «образец», которого не мог дать современникам Чацкий. Для подтверждения реальности предлагаемого идеала Гоголь обратился (несомненно, *намеренно*) к свидетель-

ству «независимого» источника — и даже источника, пропитанного враждой к России. Гоголь воспользовался тогда книгой французского писателя-путешественника А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (книга вышла в Париже в 1843 г. [Custine]). Имея в виду эту книгу, откровенно недоброжелательную по отношению к российской империи (исполненную «восторга, страха и проклятия» в адрес России [Кожин 1999: 169]), Гоголь писал: «Широкие черты человека величавого носят и слышатся по всей Русской земле так сильно, что даже чужеземцы, заглянувшие вовнутрь России, ими поражаются еще прежде, чем успевают узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно один из них, издавший свои записки с тем именно, чтобы показать Европе с дурной стороны Россию (маркиз Кюстин), не мог скрыть изумленья своего при виде простых обитателей деревенских изб наших. Как пораженный, останавливался он перед нашими маститыми беловласыми старцами, сидящими у порогов изб своих, которые казались ему величавыми патриархами древних библейских времен» [Гоголь 2009–2010. 6: 192].

Известно, что Белинский отзывался о русском народе как о «глубоко атеистическом» [Гоголь 2009–2010. 14: 370]. Напротив, Гоголя в книге Кюстина привлекли строки о глубокой патриархальной вере русского народа. Говоря об «изумленье» Кюстина «при виде простых обитателей деревенских изб наших», Гоголь подразумевал один из фрагментов сочинения французского публициста, где была описана дорога от Москвы до Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: «*В Троицкой лавре, в двадцати лье от Москвы, 17 августа 1839 года.* <...> Нигде более, чем в этой части России, не видал я столько прекрасных старческих лиц — и безволосых, и седых. Лики Иеговы, непревзойденно писанные первым учеником Леонардо да Винчи, — творения не столь идеальные, как думалось мне при виде фресок Луини в Лайнате, Лугано, Милане. Здесь такие лики встречаются вживе на пороге любой хижини; эти красавцы старики — румяные, круглощечие, с блестящими голубыми глазами, с умиротворенным выражением на лице, с серебристою, переливающейся на солнце бородой, оттеняющею безмятежно-благожелательную улыбку на устах... <...> Надобно побывать среди русских селян, чтобы постичь чистый образ патриархального общества и возблагодарить Господа за тот блаженный удел, что даровал Он, невзирая на все ошибки правительств, этим кротким созданиям, между рождением и смертью которых пролегал <...> долгая череда лет, прожитых в не-

винности. <...> Словно патриархи нашего времени, они на склоне лет своих величаво вкушают покой... <...> Если б из своего путешествия в Россию я привез одно лишь воспоминание об этих безмятежных старцах, сидящих у незапиравшихся дверей, — я и тогда не пожалел бы о тяготах поездки, в которой повидал людей, столь непохожих на крестьян любой другой страны» [Кюстин. 2: 185–186].

Говоря о книге Кюстина, Гоголь добавлял: «Не один раз сознался он, что нигде в других землях Европы, где ни путешествовал он, не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому. И эту мысль повторил он несколько раз на страницах своей растворенной ненавистью к нам книги» [Гоголь 2009–2010. 6: 192]. (Сходные фрагменты в книге Кюстина см.: [Кюстин. 1: 309; 2: 48].)

Привлекая свидетельство из книги Кюстина — «растворенной ненавистью к нам», — Гоголь делал это точно так же, как в другой литературной статье «Выбранных мест...» — «О лиризме наших поэтов», — столь же *намеренно* обращался к свидетельству еще одного «независимого», нерасположенного к России прозаического литератора. Защищая имперское начало русской поэзии, воплощенное в ломоносовских и державинских одах, Гоголь приводил слова поэта А. Мицкевича — тоже прозвучавшие из недружественной Франции. (Свидетельство поэта-эмигранта было для Гоголя тем важнее, что произносилось на фоне критики религиозно-патриотических од Ломоносова и Державина, которая, как уже говорилось, раздавалась тогда из уст либеральных критиков в самой России — от лица западника Белинского и фрондирующих славянофилов Аксаковых [Виноградов 2019b: 53–54; 2019c: 214–217].) Гоголь писал: «Царственные гимны наших поэтов изумляли самих чужеземцев своим величественным складом и слогом. Еще недавно Мицкевич сказал об этом на лекциях Парижу, и сказал в такое время, когда и сам он был раздражен противу нас, и все в Париже на нас негодовало. Несмотря, однако ж, на то, он объявил торжественно, что в одах и гимнах наших поэтов ничего нет рабского или низкого, но, напротив, что-то свободно-величественное: и тут же, хотя это не понравилось никому из земляков его, отдал честь благородству характеров наших писателей» [Гоголь 2009–2010. 6: 49].

В 1843 г. Гоголь встречался с Мицкевичем лично [Виноградов 2017–2018. 4: 382–383]. В одной из первых лекций о славянстве, прочитанных в 1840–1844 гг. в Коллеж де Франс, Мицкевич, в частности,

замечал: «Русский народ, самый близкий к уральским расам, дольше всех борющийся с ними, готовился к своему будущему величию... <...> Русская литература <...> религиозна, но еще более монархична. <...> ...Монархические интересы доминируют; она автократична. После централизации всех сил в одних руках, после установления национального единства, <...> инициативу берет на себя литература; это подталкивает Власть. <...> ...Русские поэты <...>, пораженные национальным событием, <...> сразу же обнаруживают себя русскими...» [Mickiewicz: 25].)

Обращение Гоголя к сторонним свидетельствам Кюстина и Мицкевича о религиозности русского народа и искренности убеждений русских поэтов определялось собственными многолетними наблюдениями писателя над русской жизнью. В неотправленном письме к Белинскому 1847 г. он, в частности, с полным основанием указывал: «...Нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными <статьками>... <...> ...Я более пред вами [имею права заговорить] <о> народе. По крайней мере, мои сочинения, по едино<душному> убежденью, показывают знание пр<и>роды> русской, <...> о чем говорено <было> много и что подтвердили сами вы в ваших критиках. А что предст<а>вите <вы> в доказательство вашего знания <человеческой> природы и Русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>?» [Гоголь 2009–2010. 14: 389–390].

В 1842 г. в повести «Рим», Гоголь, описывая своего героя, сообщал читателю, что постепенно увлечение римского князя итальянскими древностями сменилось изучением собственного народа: «Итог всего этого был тот, что он старался узнавать более и более свой народ» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 202]. (Эти размышления тогда же нашли отражение в сравнении Гоголя в «Театральном разезде...» русских характеров с «искрами золотой руды, рассыпанными среди грубых и темных <...> гранитов» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 449], а также в сходном уподоблении этих характеров, в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г., с «самоцветными камнями <...> закрытыми вековыми накоплениями» [Гоголь 2009–2010. 12: 110].) Спустя три года после публикации «отрывка» «Рим» Гоголь в статье «Нужно проездиться по России» замечал: «...Как русский путешественник, приезжая в <...> европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом <...>, приехавши в первый уездный или губернский го-

род, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях» [Гоголь 2009–2010. 6: 92]. Позднее Гоголь писал также западнику П. В. Анненкову: «...Если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж <...> начали вы писать записки о русских городах <...> и <...> осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещь» (письмо от 12 августа (н. ст.) 1847 г. [Гоголь 2009–2010. 14: 414]).

Следует отметить, что, когда Кюстин говорит о «благородных, увенчанных сединами» лицах русских крестьян, он либо упоминает тут же об «окрестной церквушке» [Кюстин. 1: 309], либо пишет об этом, как указывалось, будучи в самом монастыре — «В Троицкой лавре» [Кюстин. 2: 183]. На это же влияние Церкви на народную жизнь указывал и Гоголь. Белинскому он писал: «Что мне сказать вам на резкое замечание, будто Русской мужик не склонен к Религии... <...> Что тут <гово>рять, когда так красноречиво г<оворят> тысячи церквей и монастырей, покрывающих <Русь>. Они строят<ся> [не дарами] богатых, но бедны<ми> лептами неимущих» [Гоголь 2009–2010. 14: 389].

К носителям национальных духовных качеств, необходимых для «внутреннего построения» русского человека [Гоголь 2009–2010. 6: 191], Гоголь относил не только лучших русских писателей и поэтов, не только дворянское служилое сословие в целом (в его «истинно русском ядре», очищенном от «временно наросшей чужеземной шелухи» [Гоголь 2009–2010. 6: 146]), но в первую очередь — христианских подвижников, святых Церкви [Виноградов 2020: 63–65]. В статье о русской поэзии на это с очевидностью указывает включение в число главных источников русской образованности пастырского слова и церковной гимнографии. Поэтому, избегая народнической идеализации крестьянской среды (свойственной радикальным представителям славянофильства), Гоголь в дополнение к характеристике Кюстина русских «библейских» старцев-крестьян вблизи Троицкой лавры, проезжая в 1850 г. Оптину Пустынь, говорил М. А. Максимовичу о местностях, окружающих монастыри: «Пустынь эта распространяет благочестие в народе... <...> И я не раз замечал подобное влияние таких обителей» [Виноградов 2017–2018. 6: 511]. Такую же задачу христианского воспитания, которую выполняют монастыри и вся Церковь в России — задача возрождения «мертвых душ», Гоголь ставил и перед светской лите-

ратурой. Об этом он писал в финале статьи о русской поэзии: «Скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке...» [Гоголь 2009–2010. 6: 196].

Итак, история создания статьи Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» насчитывает четыре продолжительных этапа: 1) 1832–1834 гг. — вторая половина января — февраль 1836 г.; 2) конец 1841 — начало 1842 гг.; 3) конец мая (н. ст.) 1843 г. — середина июня (н. ст.) 1845 г.; 4) конец марта (н. ст.) — первая половина октября (до 16-го числа н. ст.) 1846 г. Создаваемая на протяжении более десяти лет, статья содержит обобщающие итоги размышлений Гоголя о значении отечественной литературы в общественной и государственной жизни России. В то же время статья является самым содержательным, незаменимым автокомментарием к поэме Гоголя «Мертвые души» — произведению, «наименее понятному и освоенному из всех великих классических творений русского искусства слова» [Кожин 1968: 73]. Содержание статьи о поэзии подтверждает слова самого Гоголя, что «критика, начертанная талантом, переживает журнальную эфемерность и составляет одну из блестящих страниц в собрании его творений» [Гоголь 1937–1952. 8: 538].

Список литературы
Источники

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. <В 22 кн.>. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 11. 560 с.

Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. 678 с.

<*Бутырский Н. И.*> Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 45–60.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> [Л.]: АН СССР, 1937–1952.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<*Карамзин Н.М.*> История государства Российского: <в 12 т.>. СПб.: В тип. Н. Греча, 1819. Т. 5. 412 + 285 с.

Кюстин А., де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр.; под ред. В. Мильчиной. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996.

<*Межевич В. С.*> О народности в жизни и в поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского Дворянского института 1835 года, Декабря 22-го дня, Старшим Учителем *Василием Межевичем*. М.: В Унив. тип., 1835. С. 46–53.

Надеждин <Н. И.> Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5–60; № 2. С. 203–264.

<*Надеждин Н. И.*> Н. Н. Великая Россия // Энциклопедический лексикон. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1837. Т. 9. Вар-Вес. С. 261–276;

<*Плетнев П. А.*> О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского университета профессором оного *П. А. Плетневым*, 31 августа 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 1–30.

Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // *Погодин М. П.* Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев; подготовка текстов: А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 486–510.

Пушкин А. С. Подражания Данту // <*Пушкин А. С.*> Сочинения Александра Пушкина. СПб.: В тип. И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 9. С. 172–176.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819—1834 / ред. В. В. Гippiус, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов, Б. С. Мейлах, Б. И. Коплан, А. И. Заозерский; общ. ред. В. В. Гippiус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум. 600 с.

Снегирев И. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М.: В Унив. тип., 1831. Кн. 2. 180 с.

<Уваров С. С.> Циркулярное предложение Г<-на> Управляющего Министерством Народного Просвещения Начальствам Учебных Округов, о вступлении в управление Министерством // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. XLIX–L.

<Уваров С. С.> Отчет по обозрению Московского Университета // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 340–370.

<Феодор (Бухарев А.М.), архимандрит>. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: В Тип. Морского Министерства, 1860. 262 с.

Шевырев С. П. Дант и его век. Исследования о Божественной комедии // Ученые Записки Императорского Московского университета. 1834. № 11. Май. С.365–397.

Шевырев С. П. О критике вообще и у нас в России // Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 1. С. 493–525.

Шевырев С. Взгляд Русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219–296.

<Custine A. de>. La Russie en 1839. Par le marquis de Custine. <En 3 tomes>. Paris: Librairie D'Amyot, 1843. 354 + 416 + 470 p.

<Mickiewicz A.> Les Slaves. Cours professé au Collège de France, par Adam Mickiewicz. <En 5 tomes>. Paris: Au comptoir des Imprimeurs-unis, 1849. Т. 1. 419 p.

Исследования

Виноградов И. А. Выписки из творений святых Отцов. <Комментарий> // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. (в 7 кн.) / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 8. С. 825–851.

Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миро-созерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.

Виноградов И. А. Неизвестные автографы Н. В. Гоголя // Неизданный Гоголь. М.: ИМЛИ РАН, 2001а. С. 3–38.

Виноградов И. А. Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголезнавич студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001b. Вып. 7. С. 77–93.

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд-е подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009а. С. 385–656.

Виноградов И. А. «Дело, взятое из души» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009b. Т. 5. С. 530–571.

Виноградов И. А. Народная песня в творчестве Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17. С. 679–706.

Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2016а. С. 226–233.

Виноградов И. А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016b. С. 141–183.

Виноградов И. А. «Величественная ода». Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики. 2016c. Вып. 14. С. 140–154. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3521>

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017a. № 3. С. 7–18.

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017b. № 4. С. 51–67.

Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / ред. М. И. Щербакова. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017c. Вып. 1. С. 77–94.

Виноградов И. А. Сборник Н. В. Гоголя «Каноны и песни церковные» (обстоятельства и время составления) // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / ред. М. И. Щербакова. РАН. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017d. Вып. 1. С. 117–130.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Виноградов И. А. Неизвестная полемика Н. В. Гоголя о наследии М. Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2018a. С. 5–18.

Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018b. Т. 16, № 4. С. 29–114. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5521>

Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019a. Т. 1, № 1. С. 32–102. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103>

Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019b. Т. 1, № 2. С. 38–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-2-36-61>

Виноградов И. А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019c. № 2 (12). С. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224>

Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019d. Т. 17, № 2. С. 111–134. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6202>

Виноградов И. А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019e. Т. 4, № 3. С. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209>

Виноградов И. А. Ю. Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019f. Т. 54. С. 197–212.

Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73>

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021a. 864 с.

Виноградов И. А. «Арабески» Н. В. Гоголя: единство проблематики и композиции цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021b. Т. 19, № 4. С. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262>

Виноградов И. А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX века / отв. ред. О. А. Крашенинникова. М.: ИМЛИ РАН, 2021с. С. 701–760.

Виноградов И. А. А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021d. № 1 (4). С. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32

Воропаев В. А. «Замкни речь пословицей». Народнопоэтическая стихия в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Литературная учеба. 1981a. № 4. С. 172–179.

Воропаев В. А. «Мертвые души» и традиции народной культуры (Н. В. Гоголь и И. М. Снегирев) // Русская литература. 1981b. № 2. С. 92–107.

Десницкий В. А. О пределах спецификации в литературной науке // В борьбе за марксизм в литературной науке: сб. ст. Л.: Прибой, 1930. С. 7–46.

Десницкий В. А. О пределах спецификации в литературной науке // Десницкий В. А. На литературные темы. Л.; М.: ГИХЛ, 1933. С. 137–172.

Кожин В. В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.

Кожин В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России: К 160-летию знаменитого путешествия // Москва. 1999. № 3. С. 164–169.

Паламарчук П. Г. Узор «Арабесок» // Гоголь Н. В. Арабески / Подготовка текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 378–390.

Палиевский П. В. Гоголь — литературный критик // Литература. Язык. Культура. М.: Наука, 1986. С. 175–182.

Петров И. В. Государство и право Древней Руси (750–980 гг.). СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2003. 413 с.

Соколов Б. М. Гоголь-этнограф. (Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией). М.: Тип. Императорского Московского Ун-та, 1910. 61 с.

Тихонравов Н. С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н. В.> Сочинения Н. В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М.: Изд-е книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 4. С. 465–619.

Русская литература XVIII и XIX столетий
И. А. Виноградов. «Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии

<Тихонравов Н. С., Шенрок В. И.> Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н. В.> Сочинения Н. В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1896. Т. 6. С. 542–827.

References

Vinogradov, I. A. “Vypiski iz tvoreniy sviatykh Ottsov. Kommentarii” [“Extracts from the Works of the Holy Fathers. Comment”]. Gogol, N. V. *Sobranie sochinenii: v 9 t. (v 7 knigakh)* [Collected Works: in 9 vols. (in 7 books)], vol. 8, comp. and comm. by V. A. Voropaev, I. A. Vinogradov. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1994, pp. 825–851. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol the Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, IWL RAS Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Neizvestnye avtografy N. V. Gogolia” [“Unknown autographs of N. V. Gogol”]. *Neizdannyy Gogol'* [Unpublished Gogol]. Moscow, IWL RAS Publ., 2001a, pp. 3–38. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Istoricheskie vozzreniia Gogolia i zamysel poemy ‘Mertvye dushi.’” [“Historical Views of Gogol and the Idea of the Poem ‘Dead Souls.’”]. *Gogolevnavchi studii. Gogolevedcheskie studii* [Gogol Studies], issue 7. Nizhin, 2001b, pp. 77–93. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Kommentarii” [“Comment”]. Gogol, N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary], prep. by I. A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009a, pp. 385–656. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Delo, vziatoe iz dushi...” [“A Mission Coming from the Soul...”]. Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. (15 knigakh)* [Complete Works: in 17 vols. (15 books)], vol. 5. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009b, pp. 530–571. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Narodnaia pesnia v tvorchestve Gogolia” [“Folk Song in Gogol's Works”]. Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. [Complete Works and Letters: in 17 vols.]*, vol. 17, comp., text prep. and comm. by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2010, pp. 679–706. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Gogol' o poezii i skholastike. (K avtorskomu opredeleniiu zhanra ‘Mertvykh dush’)” [“Gogol on Poetry and Scholasticism. (On the Author's Definition of the Genre of ‘Dead Souls’)”]. *Tvorchestvo N. V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [N. V. Gogol's Works and European Culture. Fifteenth Gogol Proceedings]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2016a, pp. 226–233. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Istoriia gosudarstva Rossiiskogo' v tvorcheskom nasledii Gogolia” [“‘History of the Russian State’ in the Creative Heritage of Gogol”]. A. P. Sumarokov i N. M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX veka [A. P. Sumarokov and N. M. Karamzin in the Literary Process of Russia in the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016b, pp. 141–183. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Velichestvennaia oda. Gogol' o stikhotvorenii Pushkina ‘K N***.’” [“‘A Majestic Ode. Gogol on Pushkin's Poem ‘To N***.’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 14, 2016c, pp. 140–154. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3521> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush.’” [“Blessed Are the Peacemakers. From the Story of Two Ivans to the Idea of ‘Dead Souls.’”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiya*, no. 3, 2017a, pp. 7–18. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’ (prodolzhenie)” [“Blessed Are the Peacemakers. From the Story of Two Ivans to the Idea of ‘Dead Souls’ (continuation)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, 2017b, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti (‘Vybrannye mesta iz perepiski s druž’iami Nikolaia Gogolia’)” [“The Most Patriotic Book of Our Literature (‘Selected Passages from Correspondence between Nikolai Gogol and His Friends’)”]. *Aktual’nye voprosy izucheniia dukhovnoi i svetskoj slovesnosti [Actual Issues of Studying Spiritual and Secular Literature]*, issue 1. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017c, pp. 77–94. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Sbornik N. V. Gogolia ‘Kanony i pesni tserkovnye’ (obstoiatel’stva i vremia sostavleniia)” [“N. V. Gogol’s Collection ‘Canons and Church Songs’ (Circumstances and Time of Compilation)”]. *Aktual’nye voprosy izucheniia dukhovnoi i svetskoj slovesnosti [Actual Issues of Studying Spiritual and Secular Literature]*, issue 1. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017d, pp. 117–130. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnio letopis’iu (1405–1808). Nauchnoe izdanie. V 7 tomakh [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Pedigree Chronicle (1405–1808). Scientific Publication. In 7 vols.]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Neizvestnaia polemika N. V. Gogolia o nasledii M. Iu. Lermontova” [“Unknown Polemic by N. V. Gogol on the Legacy of M. Yu. Lermontov”]. Sherbakova, M. I., editor. *Svetskaia i dukhovnaia slovesnost’ v Rossii XVIII–XIX vekov [Secular and Spiritual Literature in Russia of the 18th – 19th Centuries]*, issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2018a, pp. 5–18. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Ogorchennye liudi’ v tvorchestve N. V. Gogolia” [“‘Grieved People’ in the Works of N. V. Gogol”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 4, 2018b, pp. 29–114. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5521> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Kogda v tovarishchakh soglas’ia net...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol’, S. S. Uvarov” [“‘When There is No Agreement Between Friends...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 1, 2019a, pp. 34–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Slavianofil-gosudarstvennik. Gogol’ v dvizheniiakh epokhi” [“Slavophile Statesman. Gogol in the Movements of the Epoch”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 2, 2019b, pp. 38–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-2-36-61> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Fenomen zapadnichestva v slavianofil’stve. Vzgliad Gogolia” [“The Phenomenon of Westernism in Slavophilism. Gogol’s View”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019c, pp. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Obraz monarkha-nastavnika v tvorchestve N. V. Gogolia” [“The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 2, 2019d, pp. 111–134. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6202> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Lishnie liudi’ v russkoi literature: slovo Gogolia” [“‘Superfluous Men’ in Russian Literature: Gogol’s View”]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 3, 2019e, pp. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Yu. F. Samarin kak neizvestnyi adresat ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druž’iami’ N. V. Gogolia. K 200-letiiu myslitel’ia-slavianofila” [“Yu. F. Samarin as an Unknown Addressee of ‘Selected Passages from Correspondence with Friends’ by N. V. Gogol. To the 200th Anniversary of the Slavophile Thinker”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 54, 2019f, pp. 197–212. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Psikhologizm N. V. Gogolia” [“Psychologism of N. V. Gogol”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 4, 2020, pp. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *N. V. Gogol’ i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo naslediiia* [N. V. Gogol and Censorship. The Relationship Between the Artist and the Authorities as a Key Issue of the Gogol Heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021a. 864 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Arabeski’ N. V. Gogolia: edinstvo problematiki i kompozitsii tsikla” [“‘Arabesques’ by N. V. Gogol: the Unity of Problems and Composition of the Cycle”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 4, 2021b, pp. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Na poprishche polemicheskoi’: Gogol’ — zhurnal’ist i publitsist” [“‘In the Polemical Field’: Gogol as a Journalist and Publicist”]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki pervoi treti XIX veka* [Essays on the History of Russian Journalism in the First Third of the 19th Century], ex. ed. O. A. Krasheninnikova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021c, pp. 701–760. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “A. S. Khomiakov i N. V. Gogol’: problema vzaimootnoshenii” [“A. S. Khomyakov and N. V. Gogol: the Relationships Issue”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 1 (4), 2021d, pp. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32 (In Russ.)

Voropaev, V. A. “‘Zamkni rech’ poslovitsej. Narodno-poeticheskaia stikhiia v ‘Mertvykh dushakh’ N. V. Gogolia” [“‘Close Your Speech with a Proverb’. People’s Poetic Element in ‘Dead Souls’ by N. V. Gogol”]. *Literaturnaia ucheba*, no. 4, 1981a, pp. 172–179. (In Russ.)

Voropaev, V. A. “‘Mertvye dushi’ i traditsii narodnoi kul’tury (N. V. Gogol’ i I. M. Snegirev)” [“‘Dead Souls’ and the Traditions of Folk Culture (N. V. Gogol and I. M. Snegirev)”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1981b, pp. 92–107. (In Russ.)

Desnitskii, V. A. “O predelakh spetsifikatsii v literaturnoi nauke” [“On the Limits of Specification in Literary Science”]. *V bor’be za marksizm v literaturnoi nauke. Sbornik statei* [Struggling for Marxism in Literary Science. A Collection of Articles]. Leningrad, Priboi Publ., 1930, pp. 7–46. (In Russ.)

Desnitskii, V. A. “O predelakh spetsifikatsii v literaturnoi nauke” [“On the Limits of Specification in Literary Science”]. Desnitskii, V. A. *Na literaturnye temy* [On Literary Themes]. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1933, pp. 137–172. (In Russ.)

Kozhinov, V. V. “K metodologii istorii russkoi literatury (o realizme 30kh godov XIX veka)” [“On the Methodology of the History of Russian Literature (on Realism of the 1830s)”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1968, pp. 60–82. (In Russ.)

Kozhinov, V. V. "Markiz de Kiustin kak voskhisichennyi sozertsatel' Rossii. K 160-letiiu znamenitogo puteshestviia" ["Marquis de Custine as an Admired Contemplator of Russia. To the 160th Anniversary of the Famous Travel"]. *Moscow*, no. 3, 1999, pp. 164–169. (In Russ.)

Palamarchuk, P. G. "Uzor 'Arabesok.'" ["Pattern of 'Arabesques.'"]. Gogol' N. V. *Arabeski [Arabesques]*, texts prep., afterword, notes by P. Palamarchuk, artist Yu. Seliverstov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990, pp. 378–390. (In Russ.)

Paliyevsky, P. V. "Gogol' — literaturnyj kritik" ["Gogol as a Literary Critic"]. *Literatura. Yazyk. Kul'tura [Literature. Language. Culture]*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 175–182. (In Russ.)

Petrov, I. V. *Gosudarstvo i pravo Drevnei Rusi (750–980 gg.) [State and Law of Ancient Russia (750–980)]*. St. Peterburg, Izdatel'stvo V. A. Mikhailova Publ., 2003. 413 p. (In Russ.)

Sokolov, B. M. *Gogol'-etnograf. (Interesy i zaniatiia N. V. Gogolia etnografiei)*. [*Gogol the Ethnographer. (Interests and Occupations of N. V. Gogol in Ethnography)*]. Moscow, Tipografiia Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta Publ., 1910. 61 p. (In Russ.)

Tikhonravov, N. "Primechaniia redaktora i varianty" ["Editor's Notes and Variants"]. Gogol', N. V. *Sochineniia: v 7 t. [Works: in 7 vols.]*, vol. 4, text verified with the author's own manuscripts and the initial editions of his works by N. Tikhonravov. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina V. Dumnova, pod firmoiu "Nasledniki brat'ev Salaevykh" Publ., 1889, pp. 465–619. (In Russ.)

Tikhonravov, N. S., Shenrok, V. I. "Primechaniia redaktora i varianty" ["Editor's Notes and Variants"]. Gogol', N. V. *Sochineniia: v 7 t. [Works: in 7 vols.]*, vol. 6, text verified with the author's own manuscripts and the original editions of his works by N. Tikhonravov and V. Shenrok. Moscow, St. Peterburg, Izdanie A. F. Marks Publ., 1896, pp. 542–827. (In Russ.)